

На правах рукописи

КВАСОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ

**ТЕРРОРИЗМ В РОССИЙСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ
ДВИЖЕНИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Воронеж – 2015

Диссертация выполнена на кафедре философии и социально-гуманитарных наук лесного факультета государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова»

Научный консультант доктор исторических наук, профессор
Карпачев Михаил Дмитриевич

Официальные оппоненты: **Зверев Василий Васильевич**
доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Институт общественных профессий, факультет истории, кафедра истории российской государственности, профессор

Исаков Владимир Алексеевич
доктор исторических наук, профессор
ГБОУ ВО г. Москвы «Московский государственный педагогический университет», Институт гуманитарных наук, кафедра всеобщей истории, профессор

Салтык Галина Александровна
доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет», исторический факультет, кафедра истории России, профессор

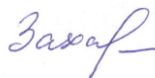
Ведущая организация: **Саратовский государственный университет**

Защита диссертации состоится «29» февраля 2016 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.038.12 в ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет» по адресу: 394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40, учебный корпус № 5, блок А, ауд. 203 «А».

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета и на сайте www.science.vsu.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.
Ученый секретарь

диссертационного совета

Е.Ю. Захарова

I. Общая характеристика работы.

Российская история второй половины XIX – начала XX вв. имеет большой опыт социально-политических конфликтов, в ходе которых неоднократно применялись террористические способы борьбы. Использование той или иной формы борьбы было связано с комплексом причин, среди которых важное место играла охранительная политика самодержавия, ограниченные возможности легальной оппозиции и общественная реакция на революционную деятельность. Интенсивность террористической деятельности, её формы и влияние на политический процесс в последние полвека Российской империи достигли беспрецедентного уровня. Российская империя пережила две террористические волны, которые не только повлияли на изменение конструкции самодержавной власти, но и оказали огромное воздействие на общественное развитие. И если первая террористическая кампания (1876-1881 гг.) имела ярко выраженный политический характер, то во второй кампании (1901-1911 гг.), помимо политических, значительную роль играли и социально-экономические причины. В связи с этим каждая террористическая волна, кроме общих черт, имела свои отличия, особенности и специфику¹.

Актуальность работы напрямую связана с изучением причин террористического насилия, с выяснением взаимосвязи социально-политических конфликтов и тенденций перехода их в формы террористической борьбы, с определением механизмов и организационных основ террористической деятельности российских революционеров.

Центральной проблемой исследования является изучение влияния революционно-террористического насилия на ход политического процесса и характер социально-экономического развития России второй половины XIX – начала XX вв. На определение причинно-следственных связей террористической и революционной активности и изучение собственно революционно-террористической деятельности нацелено наше исследование.

Объектом исследования является революционный терроризм как сложный общественно-политический феномен, являющийся продуктом взаимосвязи многих элементов политического процесса, особых исторических условий развития и определенной психоментальности российского социума второй половины XIX – начала XX вв.

Границы понятия «терроризм» размыты и нечетки вследствие динамического характера явления, что обусловлено меняющимися социально-политическими обстоятельствами, формой государственного устройства и политической конъюнктурой. Большинство исследователей под «террором» подразумевает политика или направленность действий, ориентированная на преимущественно или исключительно насильственное решение проблем. Амплитуда использования силовых действий при этом может быть различной – от единичных акций (убийство), нацеленных на опосредованное или персонифицированное давление и воздействие, до массовых

¹ Террористическая кампания – период политической борьбы, характеризующийся интенсивным и целенаправленным использованием организованной агрессии, ответным комплексом репрессивных мер власти и активной соперничающей реакцией общества на эскалацию взаимного насилия.

репрессивных действий (принятие дискриминационных государственных актов) или полное физическое уничтожение противника.

В своем исследовании, мы понимаем терроризм как способ социально-политической борьбы, включающий в себя систематическую эскалацию насилия на микроуровне с целью решить макропроблему¹. В таком понимании терроризма, акцентируется внимание на агрессии, присущей абсолютно всем видам террористического насилия, систематичности – заключающейся в упорядоченном использовании террористических актов, и стремлении при помощи субъективных факторов, как-то: дестабилизация административного аппарата, формирование общественной паники и страха, убийство политических и общественных деятелей и пр., повлиять на принимаемые решения. Предложенное нами определение универсально по своему значению для всех видов террористической преступности, в том числе государственной, и позволяет отделить от них единичные криминальные деяния. Основой этого выделения является систематическая организация преступных действий и акцентированное использование их в отношении наиболее уязвимых, «слабых» мест противника.

В научной литературе принято разделять понятия «террор» и «терроризм». Террор может являться инструментом государственной политики и осуществляться в форме массовых репрессий, тогда как терроризм означает некую негосударственную, революционную или другую, но оппозиционную деятельность и, как следствие, намного меньших масштабов, но более избирательную и конкретную. В тоже время, сущностная грань между террором и терроризмом, заключающаяся в веками «апробированном алгоритме управления социумом»², предельно условна. В нашем исследовании эти два понятия используются как синонимичные.

Как форме политического оппозиционного насилия, в терроризме можно выделить несколько исторических этапов развития. Это, во-первых, тираномахия (монархомахия, тираницид, цареубийство), под которой подразумеваются убийство правителей, глав государств и диктаторов. Персонификация и авторитаризм политической власти в Древнем и Средневековом мире, как в определенной мере и сейчас, создаёт предпосылки для решения политических задач при помощи физического уничтожения первых лиц государства. Для этого не требуются сколь-нибудь многочисленные организации, а достижение цели зачастую приводит к кардинальным политическим последствиям. Моральная ответственность убийцы искупается общественной целесообразностью и пользой этого преступления. Убийство тиранов на века вошло в арсенал политической борьбы как универсальное средство.

Во-вторых, этап индивидуальных покушений на политических деятелей (аттентат)³. Это сопряжено с большой ролью государственных чиновников, которые от имени правителя осуществляют власть или оказывают большое влияние на политический процесс. Их устранение подчас имеет не менее определяющее значение в политике, чем убийство первых лиц, а осуществить покушение значительно легче. В

¹ Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901-1911 гг.). Воронеж, 2005. С.4-5.

² Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования. М., 1997. С.10.

³ Attentat (фр.), attentatum (лат.) – покушение на убийство выдающихся политических деятелей.

российской и мировой истории аттентат активно практиковался в период позднего Средневековья, особенно в XV-XVI вв.

И, в-третьих, последним этапом развития, является, собственно, терроризм как форма деятельности, ориентированная на совершение упорядоченного насилия в отношении противников, что реализуется уже при помощи организации планомерных действий специальных отрядов и боевиков.

Террористические способы борьбы имеют широкий спектр воздействия. Возможности регулировать силу, масштабы и характер нападения создают универсальность эксплуатации террора. Выбор формы агрессии зависит от определенных факторов и обстоятельств. Повлиять на него может образ жизни объекта нападения, предмет конфликта, организационные и технические ресурсы террористов, ожидаемые от теракта результаты и др. Формы террористической агрессии имеют различный общественный резонанс. От характера целей и объектов терроризирования зависит каким будет являться нападение – иметь персональный характер, быть адресованным социальной группе или всему обществу, символическим или целесообразным. Анализируя масштабы терроризма, В.В. Витюк и С.А. Эфилов предложили различать непосредственный объект насилия и целевой объект воздействия террористов¹. В первом случае, это конкретные материальные объекты и граждане, во втором – политические режимы и их структуры, характер социальных, правовых или иных отношений. Доктор юридических наук Ю.С. Горбунов конструктивно замечает, что «объект террористических устремлений имеет сложную структуру и состоит из объекта воздействия (физическое лицо, их группы или организации, материальные объекты), объекта управления (тот или те, кто может принять решение и совершить действие либо бездействие, необходимые террористам) и объекта посягательства (общественные отношения, охраняемые международным и (или) внутригосударственным правом)»².

Во второй половине XIX – начале XX вв. экстремисты использовали физическое, экономическое и морально-психологическое воздействие на объекты терроризирования. К физическому воздействию относят прямое, контактно-силовое давление на объект агрессии с целью его полного уничтожения или нанесения частичного вреда. Практика показывает, что к физическому давлению террористы прибегают лишь после безрезультатных попыток морально-психологического или экономического давления. Названные виды терроризирования используются при помощи целенаправленных, организованных мер, которые реализуют одну из террористических стратегий: уничтожение объекта, парализация деятельности, изменение программы действия, провоцирование ответных мероприятий объекта.

Внешне осуществляясь в индивидуальных поступках (террористических актах) и действиях, терроризм представляет собой сложную структурированную деятельность, выполняемую десятками и сотнями боевиков и революционеров. В основании террористической системы можно выделить следующие наиболее важные подсистемы:

¹ Витюк В.В., Эфилов С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. С.55.

² Горбунов Ю.С. Об определении понятия «террор» и «терроризм» // Журнал российского права. 2010. № 2. С.37.

- организационно-управленческая, которая осуществляет разработку планов покушения, содержит необходимые структуры и звенья руководства разнообразными функциями и элементами экстремистской деятельности;

- материально-техническая, включает финансовое, военно-техническое и материальное обеспечение подготовки теракта, его осуществление и последующую легализацию участников;

- кадровое обеспечение, отвечает за рекрутирование и подготовку необходимого количества и качества боевиков;

- информационно-разведывательная, осуществляет сбор необходимой информации об объекте нападения и последующее информирование партии и общественности о теракте (комплекс информационного сопровождения);

- боевая часть, представляет собой меры непосредственной реализации экстремистских планов;

- контрразведка и охранное обеспечение, курирует вопросы конспирации и противодействия правоохранительным органам.

Имея длительный генезис развития, определенную видовую изменчивость, сложную структурную организацию и зависимость от многих факторов результативность, террористическая система приобретает и классические синергетические качества – стремление к автохтонности (самодостаточности), что проявляется в постоянных попытках обособления (как идейных, так и организационных) террористов от общепартийных структур; росте вширь и вглубь, проявляющемся в склонности расширить масштабы и формы насилия, с чем связывается залог успешности террористической деятельности и что обуславливает рост взаимного насилия («кровавая воронка»); в энтропийном усложнении структуры, что выражается в прямой взаимосвязи количественного и структурного роста террористических организаций с продуктивностью их деятельности, и обратно пропорционально вероятности конспиративных провалов этих организаций.

Предметом исследования является террористическая деятельность, которая подразумевает комплекс организационных мер и систему управленческих структур, нацеленных на реализацию партийных программ посредством организации упорядоченного насилия.

Историография проблемы и характеристика **источниковой базы** диссертации осуществлены в первой главе работы.

Цель диссертационного исследования сформулировать научную концепцию эволюции российского революционного терроризма, основанную на изучении факторов и причин экстремистского всплеска двух террористических кампаний (1876-1881 и 1901-1911 гг.) и сопоставлении закономерностей развития террористической деятельности в этот период. Данная цель предполагает постановку и последовательное решение двух групп **основных задач диссертационного исследования**.

Первая группа задач объединена комплексным анализом революционного терроризма как особой формы политической и общественной борьбы, имеющей свои исторические, социокультурные, политические и тактико-стратегические закономерности использования, для чего планируется:

- изучить состояние научной разработки проблемы и обобщить историографический материал, дать характеристику архивных источников;

- сформировать источниковую базу сведений террорологической тематики; выявить конкретные революционно-террористические акты и осуществить их анализ; сформировать информационную базу данных террористических проявлений в Российской империи;

- проанализировать идеологическое и стратегическое обоснование революционного терроризма; показать тактику и динамику действий террористических формирований революционеров Европейской России и отдельных регионов;

- выяснить влияние террористического фактора и отдельных терактов на революционный процесс, политическую ситуацию в стране и европейские регионы России.

Вторая группа задач связана с комплексом вопросов функционирования террористических структур и выявлением закономерностей организации террористической деятельности революционеров второй половины XIX – начала XX вв.:

- раскрыть организационную систему террористических формирований, для чего выделить следующие аспекты: управление и структура, материальные вопросы функционирования, кадровый состав, разведывательная и обучающая деятельность;

- соотнести декларативно-формальную сторону революционно-террористической деятельности (уставные положения) с практической реализацией этих планов, выявить механизмы реализации и приоритетные направления террористической тактики, для чего: рассмотреть цели терактов, объекты и предметы насилия, средства воздействия, уровень активности и результативность; обобщить и проанализировать результаты деятельности революционно-террористических подразделений;

- проанализировать основные этапы развития террористической деятельности российского революционного движения;

- выяснить мотивационную сферу революционных террористов;

- определить функциональную зависимость террористической деятельности от характера государственной власти и действий правоохранительных органов, социальной среды и других факторов конкретно-исторической обстановки.

Научная новизна работы характеризуется несколькими моментами:

- обоснована новая типология и классификация террористических проявлений;

- впервые разработана концепция исторической эволюции российского революционного терроризма второй половины XIX – начала XX вв.;

- существенно расширен фактический круг источников за счет сбора и систематизации сведений о террористических фактах, привлечения к анализу уставных документов различного типа террористических подразделений, агитационного печатного материала актов революционного террора;

- изучен организационный механизм террористической деятельности: структурные и управленческие подразделения, их взаимосвязь, нормы деятельности (уставы боевых формирований), характер и особенности функционирования террористических групп;

- конкретизирована роль терроризма в политическом и революционном процессах, выявлены причины кризиса экстремистской деятельности обеих террористических кампаний;

— раскрыта двойственная природа (политико-идеологическая и социальная) происхождения российского революционного терроризма, что проявилось в симбиозе форм партийно-революционного и традиционалистского экстремизма.

Научно-теоретическая значимость работы определяется изучением организационной структуры революционно-террористических формирований второй половины XIX – начала XX вв., исследованием факторов и причин широкого распространения терроризма и детальным анализом террористической деятельности революционных партий и организаций, что расширяет научные знания о социально-политических процессах в империи, конкретизирует объективные представления о причинах её гибели. **Практическая значимость** работы заключается в формировании базы данных террористических проявлений в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв., определение исторических тенденций развития социально-политического терроризма, внутренних законов развития террористической деятельности и тактико-стратегических закономерностей применения террора. Данный анализ может быть востребован для разработки государственной системы антитеррористических мероприятий, профилактики социально-политического экстремизма и определения тенденций развития террористических угроз.

Методология исследования базировалась на трех определяющих принципах исторического познания: историзме, объективности и социальном подходе. В первом случае, необходимо учитывалась разница современного взгляда на терроризм и вековой давности представлений об этом феномене. Эта разница имеет несколько значимых аспектов. В уголовном праве царской России отсутствовали террористические термины и вообще не имелось общепотребляемого определения «терроризм». Очевидно, что неопределенная трактовка влияла не только на данные ведомственной статистики, но и на сыскные действия, судебные приговоры, характер и аргументацию общественно-политической дискуссии.

Кроме того, представляя собой постоянно развивающееся явление, приспосабливаясь к социально-политической среде и конкретно-историческим обстоятельствам, терроризм трансформируется в разнообразные формы. Поэтому современным исследователям многие экстремистские деяния, источниками именуемые как «террористические» или напротив не относимые к таковым, необходимо подвергать тщательному анализу. Репрезентативно это можно сделать только на основе критического анализа информации и привлечения нескольких источников. Преимущественно таковыми являются документы делопроизводства государственных структур, революционно-партийные источники, средства массовой информации и источники личного происхождения. Взаимное подтверждение, уточнение фактов и деталей террористического события позволяет не только собрать максимально полный банк информации, но и определиться в его террористическом содержании. В ходе диссертационного исследования были собраны разного информационного объема сведения о 635 революционных терактах, осуществленных на территории Европейской России в период с 1901 по 1917 гг. и о 45 терактах за вторую половину XIX в. Однако, «перекрёстную» информацию удастся обнаружить не о всех преступлениях: зачастую отсутствуют упоминания дат, указания местностей или других важных характеристик событий, не всегда определены причины и состав преступлений, тем более последствия и участники терактов. Поэтому ряд имеющихся сведений о террористических

фактах требуют дальнейших поисков информации и уточнений, без чего их репрезентативное использование невозможно. Сейчас к таким сведениям в базе данных автора относятся 78 «условно террористических» сообщения по Европейской России.

На протяжении многих веков, в истории различных народов и государств, терроризм, в разных формах своего проявления, играл заметную роль. С конца XIX столетия индивидуально-террористическая деятельность по своему размаху и количеству акций становится широко распространенной формой борьбы. История многочисленных противостояний XX и начала XXI вв. эту тенденцию только подтвердила. Рост терроризма дает основание считать и видеть в этом феномене не только политическое основание и субъективное содержание конфликтов, но и наличие социально-массовых противоречий, которые в форме индивидуально-террористической деятельности себя проявляют. Необходимость выяснения массовых, групповых и частных оснований обусловленности террористического феномена непосредственно связана с принципом социального подхода в историческом познании.

Выбор подходов и методов исследования. На данный момент сложилась парадоксальная ситуация: терроризм как объективное явление политического процесса имеется, а исторические исследования в большинстве случаев ограничиваются отражением его субъективных проявлений (идеологии, тактики, изучении единичных фактов, поиском механизмов противодействия). Наша научная трактовка объекта исследования базировалась на представлении о терроризме как определенной системе, рожденной взаимодействием устойчивых элементов и механизмов, объединенных общностью целей. Это требовало особого анализа и изучения элементов функционирования террористических организаций. Как и любая система, терроризм взаимосвязан с другими структурами и сам является частью более сложной конструкции, что требует анализа взаимовлияния террористических проявлений на политическую систему и процессы, социальную среду, общественную обстановку. Именно историко-системный (синергетический) подход позволяет выяснить детерминацию терроризма, внутренние и внешние связи, механизмы его функционирования. Учитывая динамический характер явления, сравнительное изучение его разновременных проявлений научно целесообразно и актуально. В данном диссертационном исследовании это сравнение революционного терроризма XIX в., который ассоциируют с народническим движением, и терроризма начала XX в., связанного с Первой российской революцией (1905-1907 гг.).

Выделяя предметом изучения террористическую деятельность, диссертант исходил из трактовки деятельности, как ряда сложных целесообразных действий и поступков людей, в которых реализуется сущность человека и общества. За основу такого анализа была взята концепция деятельности, разрабатываемая отечественными и иностранными социологами и психологами М.С. Каганом, М.М. Кветным и М.В. Деминим. К основным элементам структуры ими отнесены: субъекты и объекты деятельности, мотивы и цели субъектов, средства и методы достижения цели, активность и результативность деятельности.

Данные два подхода, системный и деятельностный, дают возможность проанализировать механизмы и процессы террористической деятельности, представить её причинность и факторность, проиллюстрировать реальное воплощение тактики и

стратегии террористической борьбы. Каждый из элементов деятельностной структуры имеет своё содержание, особые характеристики и качество функциональности, отражает взаимосвязи с другими структурами. Анализ деятельности позволяет характеризовать как единичные (личностные), так и массовые (социальные) процессы, сделать существенные обобщения и выделить закономерности.

При разработке темы особое внимание было уделено научным концепциям модернизационных процессов. В России второй половины XIX – начала XX вв. модернизация проявлялась в стремительном развитии рыночных отношений и частной собственности, формировании правового порядка и широких СМИ, деформации национальных и традиционных общин, разрушении религиозных и социальных норм и др. Последствия этих глубоких изменений коренным образом отразились на развитии России. Влияние модернизационных процессов давно являлось предметом исследований зарубежных ученых. Именно модернизационные трактовки позволяют обосновать первостепенную роль разночинной интеллигенции в развитии политического терроризма, выделить особенности поведения крестьянства в акциях революционного экстремизма, понять неустойчивую позицию российского самодержавия и сам ход политического и революционного процесса.

По нашему мнению, предлагаемый системно-деятельностный подход в рамках модернизационной теории способен дать объективную трактовку развития террористической деятельности революционеров в России.

На защиту автором выносятся ряд основных положений:

— Террористические тенденции имеются во всех обществах и представляют собой попытки использования акцентированного насилия для получения политической выгоды. Результативность терроризма связана не только с достижением политических целей, но и обширным воздействием на общество;

— Основными факторами терроризма в Российской империи являлись: 1) модернизационные и экономические причины, которые порождали социальный антагонизм и вызывали рост агрессивных реакций в определенных слоях населения, что наиболее выражено проявилось у разночинной интеллигенции, крестьянства и пролетариата; 2) невозможность легитимных форм оппозиционной деятельности, автократизм и репрессивность политической системы; 3) низкий уровень общественно-демократического развития, отсутствие конструктивной политической оппозиции и приверженности согласительных начал в политической борьбе; 4) общественно-историческая среда (наличие прецедентов насильственной смены власти в российской истории, характер революционной мифологии, генезис развития революционного движения и логика взаимного насилия);

— Российский революционный терроризм представляет собой сложное социально-политическое явление, в котором проявлялись механизмы и цели свойственные ему как способу политической борьбы (теракты, экспроприации, «партизанская борьба»), так и формы традиционного протеста различных слоев населения (поджоги, убийства административного и хозяйственного персонала, вредительство и пр.). Природа террористического насилия имела два основных вида: партийно-политический и социальный. В первом случае, террористические акты осуществлялись структурно оформленными партийно-террористическими подразделениями, во втором случае – инициативными представителями конфликтных социальных групп;

— Народнический терроризм формировался на эпатажных призывах социального (бунтарского) насилия и аффективных актах мстительного и провокационного характера. В ходе жестокой, бескомпромиссной политической борьбы с самодержавием террор приобрел идеологическое обоснование как средство политического насилия и реформирования. Критическое осмысление радикалами итогов народовольческой борьбы с самодержавием, только способствовало увеличению стратегических и тактических аргументов в пользу экстремистского насилия.

Отношение руководства революционных партий к террору на протяжении Первой российской революции, неоднократно менялось. Партия эсеров рассматривала террор как тактическое средство революционной борьбы и в прямой связи с этим неоднократно варьировала его использование, совершенствовала организационную структуру и подготовку террористических формирований. РСДРП, критикуя индивидуализированные формы борьбы, склонна была расширять социальную базу боевых формирований с перспективой перехода индивидуальных и групповых нападений к массовым вооруженным восстаниям. Анархистские и максималистские организации рассматривали террористические проявления как форму социальной борьбы, требующую активизации и партийного содействия.

— Акцентированное использование индивидуального и группового террористического насилия в ходе революции неоднократно применялось для дестабилизации и захвата местной власти. В условиях поступательного роста массового движения 1905 г. это временно удавалось в ряде городов Европейской России (Москва, Ростов-на-Дону). Позже, в условиях снижения массового движения, неоднократные попытки с помощью террористических акций, диверсионной деятельности и «партизанской борьбы» (Поволжье 1906 г., Урал 1907 г., Центральное Черноземье 1907-1908 гг.) активизировать революционную деятельность и поднять антигосударственные выступления, положительных результатов не дали;

— Революционный терроризм имел сложную систему функционирования, в которой можно выделить доктринальную (идеологическую), организационную и деятельностную подсистемы. Оптимальная продуктивность террористических организаций достигалась при наличии достаточного финансирования и материально-технического обеспечения, согласованных партийных и управленческих действий, дисциплинированном идейно устойчивом личном составе и наличие обширного комплекса информационного сопровождения теракта. Революционно-террористические подразделения любой партийной и функциональной организации под воздействием конспиративной деятельности и революционной борьбы стремились расширить свои внутрипартийные прерогативы и обособиться от партийной организации, вплоть до отделения;

— Логика и характер террористической борьбы деструктивно воздействовали на освободительное движение. Это проявилось в приверженности крайнему радикализму, деформации демократических механизмов организации, склонности к провокациям, постепенной вульгаризации насилия и криминализации деятельности.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в научных публикациях автора общим объемом 40 условно-печатных листов. Доклады и выступления, по вопросам диссертационного исследования были заслушаны на 9 международных, 3 всероссийских и 9 региональных конференциях. В 2004-2005 гг.

Российским гуманитарным научным фондом и администрацией Воронежской области было профинансировано исследование автора «Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX в.», завершившееся изданием монографии. Под руководством диссертанта второй год идет реализация научного проекта по гранту РГНФ «Террористическая деятельность революционеров в Европейской России (вторая половина XIX – начало XX вв.)».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, приложения, списка источников и литературы.

II. Основное содержание диссертации.

Во **«Введении»** диссертации последовательно обосновывается актуальность темы, дается развернутая характеристика объекта и предмета исследования, цель и основные задачи работы, выделяется научная новизна и научно-теоретическая значимость диссертационного исследования, временные и территориальные границы исследования, методология и выбор подходов для решения поставленных задач.

Историография проблемы и анализ источников рассматривается в Первой главе диссертации. Начальными попытками объективного анализа революционного терроризма можно признать работы представителей либерального направления, которые во многом подтверждали аргументацию террора, предложенную самими революционерами. Так проф. А. Тун отмечал «естественность» появления террора в «деспотических» условиях и особо выделял его самозащитную и мстительную первооснову¹. Историк общественного движения В.Я. Богучарский также указывал на его вынужденный характер². В исследовании проф. И.А. Малиновского рост революционного экстремизма был связан со взаимным насилием, ученый аргументировано отметил его мстительную основу, особо выделил психологическую причину терактов³.

С началом новой волны революционных потрясений в числе активных авторов террористической проблематики появились публицисты и общественно-политические деятели. Некоторые авторы обращали внимание на социальные причины роста экстремизма, молодой возраст террористов⁴. Ряд смелых суждений сделал в своем критическом очерке один из кадетских лидеров Н.А. Гредескул. Он отметил широкую социальную поддержку террористов: «...политический террор пользовался, если не активным, то пассивным сочувствием значительно более широких слоев русского общества, чем те, какие принимали в нем непосредственное участие»⁵.

В целом, представители либеральной историографии начала XX в., подвергнув критике обе противоборствующие стороны: народовольцев за «красный террор», а самодержавный режим за репрессии, основными причинами эскалации революционно-

¹ Тун А. История революционного движения в России / Под ред. и с примеч. Л.Э. Шишко. СПб., 1903. С.177,178,186. Первое издание его книги вышло на немецком языке в 1883 г.

² Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. С.2-3,468. Также см.: Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912; Он же. Кровавый Синодик. Смертная казнь по политическим делам в России. СПб., 1906.

³ Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. В 2-х вып. Томск, 1908-1909. Вып. 2. С.28-29.

⁴ Меньшиков М.О. Письма к ближним. Мученики воображения // Новое время. 12 августа 1906 г.

⁵ Гредескул Н.А. Террор и охранка. СПб., 1912. С.11.

террористического насилия считали неадекватно агрессивную реакцию и провоцирующие меры правительства.

Подвергли критике народовольческий терроризм и социал-демократические теоретики. Помимо Г.В. Плеханова и В.Н. Засулич, конкретизировал «ошибки» «террора старого типа» В.И. Ленин, отметивший, что «... террор был мстью отдельным лицам. Террор был заговором интеллигентских групп. Террор был совершенно не связан ни с каким настроением масс. Террор не подготовлял никаких боевых руководителей масс. Террор был результатом – а также симптомом и спутником – неверия в восстание, отсутствия условий для восстания»¹. Критическому анализу был подвергнут и эсеровский террор. Отметив активизирующее значение для роста протестного движения в 1902-1904 гг. деятельности Боевой организации ПСР, авторы известного социал-демократического сборника констатировали, что «... во время и после революционного движения усиливается стихийный террор... покушения делаются отдельными лицами... Террор ускользает от руководящих кругов партии и в 1906-1907 годах является скорее результатом отчаяния и озлобления, вызванного репрессиями»².

Особое место в дореволюционной историографии терроризма принадлежит жандармскому генералу А.И. Спиридовичу. Аргументируя ссылками на партийные документы, Спиридович обосновал, помимо террористической, разноплановую деятельность «Народной воли», анализируя социал-демократическое движение, он особо выделил неоднозначное отношение к терроризму некоторых марксистов и партийных комитетов и отождествил «так называемые партизанские действия боевых дружин» с террором³. Спиридович особо заметил, что основное количество террористических акций в годы Первой революции пришлось на провинциальные организации, проанализировал террористическую стратегию неонароднических партий, их разногласия по вопросам тактики, как на уровне ЦК, так и некоторых местных комитетов⁴. Работы А.И. Спиридовича по масштабу материала и обоснованности своих выводов можно признать отправной точкой изучения революционного терроризма.

Таким образом, в дореволюционный период были сформированы основы «охранительной», революционной и либеральной историографических традиций в изучение терроризма, на концептуальное же содержание работ сильное влияние оказывали идейная позиция авторов. Вследствие чего, «охранительная» историография базировалась на огульных обвинениях революционеров в ничем необоснованных кровавых злодеяниях, либеральная – на констатации непримиримости позиций противников и попытке распределить взаимную ответственность за насилие, и революционная – на характеристике терроризма как одной из тактико-стратегических форм революционной борьбы. В этот период еще не сложилось научного обоснования

¹ Ленин В.И. Современное положение и тактика рабочей партии // Партийные известия. 7 февраля 1906 г.

² Общественного движения в России в начале XX в. Т. 3, Кн. 5, СПб., 1914. С.107.

³ Спиридович А.И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти (1883-1903-1917). М., 2007. С.131.

⁴ Он же. Революционное движение в России. Вып. II. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916.

и методологии этих позиций, но в обилие актуальных комментариев и трактовок можно обнаружить и вполне полноценные научные аргументации.

Сложившаяся политическая ситуация в Советской России долгое время не благоприятствовала изучению революционного терроризма. В 20-30-е гг. формальная точка зрения на терроризм как вид «мелкобуржуазной» революционности закрепились и стала господствующей в советской историографии. Критика этого способа борьбы в ленинских работах считалась исчерпывающей и окончательной, а характеристика В.И. Лениным индивидуального террора как «специфически интеллигентского способа борьбы» и «порождения интеллигентской слабости», воспринималась буквально¹. Таким образом, была обоснована социальная причина инициирования терроризма, которая не давала инициативным «героям» мелкобуржуазных слоев, в первую очередь, интеллигенции, подняться до уровня и понимания массовой борьбы. Основным критерием характеристики деятельности боевых дружин являлась их партийная принадлежность. Терроризм продолжали относить к индивидуальным формам борьбы и соответственно статистическому подсчету не подвергали.

В это время выходит ряд работ, где особое внимание уделено народовольческому террору, портретам известных народников и «охоте на императора»². Фактически все исследователи фиксировали отсутствие широкой общественной поддержки, мстительно-оборонительные предпосылки и безысходность разночинского терроризма. Заслугой историографии 20-х гг. стал начавшийся критический анализ эксцессов революционного экстремизма, в частности «нечаевщины». В рамках дискуссии 1929-1930 гг. о Народной воле, терроризм был охарактеризован как бесперспективный метод политической борьбы, используемый узким слоем интеллигенции, и данная трактовка конструктивно вписывалась в ленинскую концепцию и периодизацию революционного движения в России³. С известного постановления ЦК ВКП(б) 1935 г. народничество стало трактоваться «злейшим врагом марксизма». Как следствие, его научные исследования были приостановлены, что не способствовало изучению и революционного экстремизма.

Иные позиции в характеристике революционного терроризма заняли зарубежные исследователи. Российские исследователи-эмигранты продолжали активно заниматься историей революционного движения, в рамках которой вопросы терроризма, история БО ПСР, феномен азефовщины и провокаторство занимали видное место. Особенно это касается работ и деятельности А.И. Спиридовича, Б.И. Николаевского, М.М. Карповича, С.Г. Сватикова, В.Л. Бурцева⁴. Одним из основных

¹ Ленин В.И. ПСС. М., 1960. Т. 9. С.130, Там же. М., 1972. Т. 11. С.268.

² Шилов А.А. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г. Пг., 1919; Кункль А.А. Выстрел Веры Засулич. М., 1927; Клевенский М.М. Ишутинский кружок и покушение Каракозова. М., 1928; Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929; Кункль А.А. Покушение Соловьева. М., 1929; 1 марта 1881 года. М., 1933 и др.

³ Дискуссия о Народной Воле в Обществе историков-марксистов (открытое заседание секции истории ВКП(б) и ленинизма, 16 и 25 января и 4 февраля 1930 г.) // Историк-марксист. 1930. Т.15. С.74-143.

⁴ Spiridovitch A. Histoire du terrorisme russe, 1886-1917. Paris, 1930. (Репринтное изд. Millword, New York: Kraus Reprint, 1983); Николаевский Б.И. Конец Азефа. Берлин, 1931; Он же. История одного предателя. Берлин, 1932; Karpovich M. Imperial Russia. 1801-1917. N.Y., 1943; Karpovich M. A Forerunner of Lenin: P.N. Tkachev // The Review of Politics. Vol. 6. 1944. № 3.

западных утверждений стало идейное и методологическое родство нечаевщины, ленинизма и сталинизма, что позволило увидеть в терроризме тактическую форму борьбы¹. Устойчивую поддержку зарубежных исследователей получили утверждения об интеллигентских корнях и эволюционной преемственности революционного терроризма². Одна из первых международных конференций (1979, ФРГ, г. Бад Хоумбург), посвященных истории, развитию и проблемам экстремизма, показала глубокий интерес зарубежных исследователей к российскому революционному терроризму³. В дальнейшем научный спектр этого интереса только расширился⁴.

С 60-х гг. в советской историографии начался спор об альтернативности народо-вольческой тактики террористической борьбы. О разочаровании народников в массовом движении и вследствие этого склонении к террору обосновано заявил Б.П. Козьмин⁵. Критический анализ стратегии и тактики народо-вольческого терроризма осуществил С.С. Волк⁶. И если автор относил переход к террору как политическую ошибку, то в своих работах М.С. Седов и Н.А. Троицкий видели обоснованность и «историческую неизбежность» народо-вольческого террора⁷. Важной дискуссионной темой стала характеристика влияния народо-вольческого террора на самодержавный аппарат и систему. М.И. Хейфец это влияние оценил как «усилившее кризис верхов»⁸, верхов»⁸, Н.А. Троицкий как «решающий фактор второй революционной ситуации»⁹, ции»⁹, П.А. Зайончковский как непосредственную причину, вызвавшую растерянность

¹ Эту точку зрения поддерживали М.М. Карпович, Н.А. Бердяев, той же точки зрения придерживаются американцы М. Правдин, Р. Пейн, Р. Пайпс, А. Улам, Ф. Помпер, англичане – Р. Хингли, И. Берлин, немцы – Г. Либер, К. Менерт.

² Venturi F. *Roots of Revolution*. London, 1957; Radkey O.H. *The Agrarian Foes of Bolshevism. Promise and Default of Russian Social-Revolutionaries*. N.-Y., 1958; Seth R. *The Russian Terrorists: the study of the Narodniki*. London, [1966]; Pomper Ph. *Russian Revolutionary Intelligentsia*. N.-Y., 1970.

³ История развития российского революционного терроризма нашла отражение в трех докладах конференции: Borke A. *Von Violence and Terror in Russian Revolutionary Populism: the Narodnaya Volya. 1879-1983*. P.48-62; Perrie M. *Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914*. P.63-79; Hildermeier M. *The Terrorist Strategies of the Socialist-Revolutionary Party in Russia, 1900-1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe*. N.-Y., 1982. P.80-87.

⁴ Avrich P. *The Russian Anarchists*. Princeton, New Jersey, 1967; Hildermeier M. *Zur Sozialstruktur der Führungsgruppen und zur terroristischen Kampfmethod der Sozialrevolutionären Partei Russlands // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*. 1972. (20); Knight A. *Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party // The Russian Review*. 1979. Vol. 38. № 2; Bushnell J. *Mutineers and Revolutionaries: Military Revolution in Russia, 1905-1907*. Bloomington, Indiana, 1985.

⁵ Козьмин Б.П. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // *Исторические записки*. Т. 65. М., 1959. С.236-238. Его поддержал ряд историков, к примеру: Широкова В.В. К вопросу об оценке деятельности «Народной воли» // *Вопросы истории*. 1959. № 8. С.59-61.

⁶ Волк С.С. *Народная воля*. М.; Л., 1966.

⁷ Седов М.Г. *Героический период революционного народничества*. М., 1966. С.362; Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1971. С.13. Эту позицию Троицкий продолжает активно отстаивать и в современных работах.

⁸ Хейфец М.И. *Вторая революционная ситуация в России. Конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в.: кризис правительственной политики*. М., 1963. С.51.

⁹ Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1971. С.16.

ность правительственных кругов¹. Иную оценку обосновывала В.А. Твардовская, которая отказала народовольческому терроризму в «плодотворности»². Общим мнением советских историков 60-х гг. о причинах народовольческого терроризма было подтверждение тезиса об ответной реакции и разочаровании в возможность поднять массовую борьбу. Н.А. Троицкий, подытоживая опыт «Народной воли» заключил, что «террор, даже самый героический, поднять массы на восстание бессилён»³. Позже Ю.Б. Соловьев и О.В. Будницкий революционный террор считали определяющей причиной самодержавного реформаторства конца 70-х гг. XIX в.⁴. Более того, Будницкий сделал заключение, что «террор оказался наиболее эффективным средством борьбы при ограниченности сил революционеров»⁵.

В 70-80-е гг. появилась возможность реализовать исследовательский интерес к неонародническим партиям. В течение короткого времени «утопичность террористической тактики эсеров» была продемонстрирована в ряде работ⁶. В 90-е гг. стали появляться исследования и иных аспектов. Д.Б. Павлов поставил под сомнения десятилетиями отшлифованную конструкцию утопичности тактики эсеров: «Попытка соотнести эсеровские боевые выступления с проявлениями массового движения в годы первой революции... свидетельствует о невозможности однозначной оценки эсеровского террора»⁷. Он же, характеризуя аграрный террор, отметил его неполитико-политический, традиционалистский характер. Было высказано еще более смелое утверждение, что «революционное движение 1901-1904 гг. породило террор, террор углубил революционную ситуацию и стал одним из очевидных её проявлений»⁸. В ряде работ были раскрыты разнообразнейшие проблемы деятельности террористических подразделений эсеровской партии⁹.

С 80-х гг. пробудился интерес и к анархистскому движению. Практически все исследователи придерживаются некоторых стереотипных характеристик анархо-

¹ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 гг. М., 1964. С.474.

² Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870-1880 гг. М., 1969. С.226.

³ Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1971. С.32.

⁴ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1979.

⁵ Будницкий О.В. «Кровь по совести»: терроризм в России // Отечественная история. 1994. № 6. С.206; Вступ. ст. Будницкого О.В. в кн.: История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д., 1996. С.13-14.

⁶ Леванов Б.В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров. 1903-1917 гг. Л., 1978; Гусев К.В. Партия социалистов-революционеров, ее политическое банкротство и гибель. М., 1967; Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1974; Жуков А.Ф. Индивидуальный террор в тактике мелкобуржуазных партий в первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях. Сб. ст. М., 1989. С.138-144; Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989 и др.

⁷ Павлов Д.Б. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905-1907 гг. // Непролетарские партии России в трех революциях. Сб. ст. М., 1989. С.150.

⁸ Вступ. ст. В.М. Шевырина, в кн.: Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991. С.19.

⁹ Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992; Идельсон М.В. Летучий боевой отряд Северной области партии социалистов-революционеров // Краеведч. зап.: Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 1993. С.7-22; Морозов К.Н. Б.В. Савинков и Боевая организация партии эсеров 1909-1911 гг. // Минувшее: Ист. альманах. Вып. 18. М., СПб., 1995. С.243-314; Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., 1998; Орышак М.И. Террор в деятельности партии социалистов-революционеров. Дис... канд. ист. наук. М., 1999 и др.

экстремизма: утопичность и стремительная криминализация движения, импульсивность и неуправляемость анархистского экстремизма и самих боевиков. Данные характеристики достаточно уверенно позволяют говорить о том, что именно анархистский терроризм был наиболее «мелким» в определении объектов насилия и количественно многочисленным. Это же замечание относится и к современным исследованиям¹.

Анализируя советскую историографическую традицию революционного терроризма необходимо отметить влияние идеологического догматизма. Обоснование причин террористических проявлений базировалось на известной ленинской периодизации революционного движения и детерминировало экстремизм XIX в. «мелкобуржуазностью» разночинцев. Основная причина перехода народников к терроризму в рамках этой концепции заключалась в отсутствии массовой поддержки революции. Террористическая деятельность самостоятельного научного значения и трактовки не имела.

Западные исследования этого периода в большей степени были представлены развитием либеральной историографической традиции, которую особенно развил американский историк Норманн Неймарк. Помимо разработанной оригинальной стадийности революционного терроризма, в которой он выделил три периода: период радикализации (1861-1866), период народнического террора (1877-1907) и кризис связанный с Первой революцией (1904-1907)², Неймарк более четко обосновал появление террористического насилия как результата интеллигентской реакции на незавершенность Великих реформ и государственных репрессий³, и, как следствие, взаимное втягивание государства и общества в «воронку кровавого насилия», которое и разрушило не успевшее сформироваться российское гражданское общество⁴. Стоит отметить, что преимущественно все иностранные исследователи выделяют большую или даже определяющую роль терроризма в гибели российского самодержавия, акцентируют кризис государственного управления, неспособность царизма продуктивно использовать всевозможные правоприменительные средства и способы для нейтрализации антигосударственных организаций, что и привело к усилению экстремистских тенденций и террористических групп.

¹ Кривенький В.В. Анархисты в революции 1905-1907 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1990; Пронякин Д.И. Анархизм: «исторические» претензии и уроки истории. Л., 1990; Ударцев С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994; Ударцев С.Ф. Российский анархизм и анархисты (вторая половина XIX – конец XX вв.). СПб., 1996; Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири (первая четверть XX в.). Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика: Монография. Ч. 1. 1900-1918. Омск, 1996; Ударцев С.Ф. Анархистское движение в России: история и современность. СПб., 1997; Трубичев И. Анархистские экспроприации: революционная борьба или уголовщина (на примере Первой русской революции) // Наше отечество. Страницы истории. Вып. 4. М., 2005. С.81-89; Пейч Д.И. Анархистский террор в России 1905-1907 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2013.

² Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism and Political Violence. Summer. 1990. Vol. 2. № 2. P.171.

³ Naimark N. Terrorists and Social Democrats: The Russian Revolutionary Movement Under Alexander III. Cambridge (Mass.) and London, 1983.

⁴ Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia... P.188-89.

На ход современной научной дискуссии о терроризме оказывают влияние незавершенные споры по различным проблемам российской истории. Далекое неоконченной является дискуссия о революционной позиции российского крестьянства в событиях начала XX в. Под воздействием, в том числе зарубежных исследований, утвердилась точка зрения о сложном характере и детерминизме крестьянского протестного поведения, о «многослойности и синкретизме крестьянского сознания», о тесном переплетении в нем революционаризма и традиционализма отмечается в исследованиях О.Г. Буховца, О.А. Суховой, А.Н. Медушевского и др.¹ Данная позиция видится конструктивной и для анализа крестьянского индивидуального и группового экстремизма. Такое понимание проблемы, позволяет более четко разделить широкое понятие «революционный терроризм» на две части – политический (партийный) и социальный (в терминологии XIX – начала XX вв. «аграрный» и «фабричный») террор, что даёт возможность объяснить многие противоречия и вопросы эскалации российского революционного экстремизма.

Современные российские исследователи значительно увеличили внимание к личностным портретам известных террористов (Б.В. Савинкову, И.П. Каляеву, Е.С. Сазонову, М.М. Спиридоновой, А.М. Лбову, М.М. Федоровой и др.), провокаторству, проблеме источников финансирования революционных партий и движений². Эти темы напрямую или косвенно касаются проблематики терроризма и способствуют конкретизации и увеличению объективной информации о феномене. Проведенное в нескольких работах переосмысление большевистского экстремизма позволило сформировать более взвешенное отношение к полемике о терроризме начала XX в. и боевым призывам В.И. Ленина к партийным организациям в 1905-1906 гг.³ Об идентичности боевых действий эсеров и социал-демократов высказался М.И. Леонов⁴.

В исследованиях 90-х гг. за счет иностранных архивов расширилась источниковая база, критически были осмыслены зарубежные террорологические исследования. В ходе дискуссий и обсуждения мер противодействия экстремизму большинство юристов склонилось к мнению, что терроризм необходимо трактовать в рамках двух

¹ Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в российской истории начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996; Сухова О.А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX в. (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007; Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. № 1. С.3-27.

² Павлов Д.Б., Петров С. Тайны русско-японской войны. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904-1905 гг.: Документы / Сост. И.В. Деревянко. М., 1993; Розенталь И.С. Провокатор. Роман Малиновский: Судьба и время. М., 1996; Медведев Ж.А. Английский фунт для русской революции // Вопросы истории. 2001. № 7. С.144-149.

³ Степанов Ю.В. Проблема политического терроризма в марксизме: (ист.-фил. анализ): Дис... канд. ист. наук. М., 1996; Максимов А. В.И. Ленин о терроризме // Диалог. 1998. № 3. С.42-79; Хлобустов О.М. Большевики и терроризм в России. Большевики и политический терроризм в России // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С.28-35; Портнягина Н.А. Восприятие политического терроризма русским марксизмом в начале XX в. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди: Сб. науч. тр. СПб., 2008. С.114-124.

⁴ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С.129.

понятий: как криминологическое и социально-политическое (общеправовое) явления¹. В первом случае, он характеризуется конкретными уголовными деяниями, во втором – это социальное явление, которое включает в себя специфическую организационную структуру и деятельность, особую террористическую идеологию. Такой подход дает возможность не только деполитизировать явление, но и более полно представить сущность терроризма, его многогранность.

Актуальным вопросом историографии остается дефиниционная проблема. Единодушно определяя терроризм как форму крайнего экстремизма, исследователи спорят о сущности и границах феномена. Отсутствие четких критериев методики заставляет историков руководствоваться интуицией или категориями современного уголовного права, что не всегда применительно к событиям рубежа XIX-XX вв. оправдано. Только в конце века терроризм стал пониматься исследователями как целостное явление, что вызвало необходимость создания концептуальных методик изучения этого социального феномена. Исторический анализ развития терроризма предложили М.П. Одесский и Д.М. Фельдман. Историко-культурологические исследования этих авторов интересны и основательны, однако существенно расширяются границы феномена терроризма рассмотрением его как политики, суть которой «управление посредством устрашения, подавляющего социум»². В 90-е гг. прошло несколько важных дискуссий и конференций, на которых феномен терроризма рассматривался в контексте различных отечественных исторических процессов³. Попытки выяснить генетические корни российского терроризма начала XX в. предприняли ряд исследователей⁴. На террорологическую тематику за короткий период по разным отраслям наук защищено более 70 диссертаций. На данный момент, можно говорить о появлении «общей теории террористической деятельности» и новой дисциплины «террологии/террорологии», имеются учебные программы, читаются специальные курсы, хотя сущность, функции и содержание этих дисциплин еще дискутируются, равно, как и не определено общепринятое название дисциплины.

Важной вехой исторических исследований революционного терроризма начала XX в. стала публикация диссертационного исследования американского историка

¹ См. работы В.А. Бурковской, А.В. Гыскэ, А.И. Долговой, Г.М. Миньковского, И.А. Моисеенко, М.Ф. Мусаеляна, М.В. Феоктистова и др.

² Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования. Пособие по спецкурсу. М., 1997. С.93.

³ История и террор: межвуз. науч. конф. Пермь, 1993; История и террор: тезисы докладов на межвуз. науч. конф. Пермь, 1996; Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в.: Мат. конф. М., 1996; Террор и культура в русской исторической перспективе. «Круглый стол» // Москва. 1997. № 8. С.153-168; История и террор: межвуз. науч. конф. Пермь, 1998; Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С.3-18 и др.

⁴ Исаева Т.Б. История политического терроризма в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Методическое пособие. Саратов, 1996; Нечипоренко О.М. Истоки и специфика российского политического терроризма // Актуальные проблемы Европы. 1997. № 4. С.165-172; Варфоломеев Ю.В. «Русский способ»: Феномен революционного терроризма в России начала XX в. // Российский исторический журнал. 2008. № 2. С.3-51; Ибатуллин Р.У. Интеллигенция и терроризм в России в начале XX в. // Исторический вестник. М., 2012. Т. 2 (149). С.48-65.

Анны Гейфман¹. Сугубо критический взгляд на российский революционный терроризм позволил автору представить в полном цвете «подкладку революции», однако, по нашему мнению, не дал объективное объяснение причин и факторов террористической активности в России. Кроме того, «демонизация» революционного движения, лишение его исторической и социальной обусловленности, приводит к извращению сущности исторического процесса.

На рубеже веков стали осуществляться региональные исследования революционного и партийного террора, выходят публикации с анализом местного революционного экстремизма, его особенностей, статистики². Зачастую эти исследования носят описательный, фактологический характер, что уже само по себе достаточно ценно, учитывая фрагментарность, малое количество источников и публикаций и, как следствие, слабую изученность именно местного терроризма. Именно на совокупных статистических данных появилась возможность делать выводы, которые уточняют или отменяют имеющиеся стереотипы. Практически все исследователи соглашались с тем, что в конце Первой революции «терроризм в провинции постепенно вырождается в уголовный разбой и ограбления»³. В большинстве исследований прямо указывается, что действия боевиков или отдельные теракты имели «позитивный отклик у широких масс населения», а «переход наиболее радикальной части крестьян на сторону ультралевых организаций анархистов и максималистов был закономерен и повсеместен»⁴.

Особую важность для понимания революционного терроризма имели исследования О.В. Будницкого. Кроме важных публикаций малоизвестных и новых источников, ему удалось исчерпывающе исследовать проблемы факторов революционного терроризма и генезиса террористической идеологии⁵. Он аргументировано

¹ Geifman A. Thou shalt kill: Revolutionaru tettorism in Russia. 1894-1917. Princeton, 1993. В русском переводе: Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917 / Пер. с англ. М., 1997.

² Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX в. (1901-1911 гг.). Воронеж, 2005; Кузнецов В.Н. Революционный террор и акты экспроприаций в Поволжье в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 12. С.24-38; Петайкина М.В. Террористическая деятельность эсеров Поволжья в годы первой русской революции. [Электронный ресурс]. URL:http://sodmu.narod.ru/t_pet.htm 08.04.2012; Поляков А.Б. Революционный терроризм в Пензенской губернии в 1905-1907 гг. (по материалам источников личного происхождения) // Известия Пензенского гос. пед. ун-та. 2011. № 23. С.560-563; Квасов О.Н. Террористический компонент социально-политических процессов в Курской губернии начала XX в. // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 19 (114). Вып. 20. С.165-172; Сидоренко Н.С. Политический экстремизм на Урале в начале XX в. // Исторический вестник. М., 2012. Т. 2 (149). С.66-89; Салтык Г.А. «Местный террор» в России в 1905-1907 гг.: люди и судьбы. По архивным документам Курской губ. // Вестник архивиста. 2013. № 2 (122). С.148-162.

³ Рыбкин А.А. Политический терроризм в провинции в 1905-1907 гг.: на материалах Костромской, Тверской, Ярославской губерний: Автореф. дис... канд. ист. наук. Кострома, 2007. С.20,16.

⁴ Поляков А.Б. Кризис эсеровских террористических организаций Пензенской губернии во второй половине 1906-1907 гг. и убийство С.В. Александровского // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. II. С.141.

⁵ Женщины-террористки в России. Ростов н/Д., 1996; История терроризма России в документах, биографиях, исследованиях. Изд. 2, доп. и перераб. Ростов н/Д., 1996; Будницкий О.В. Терроризм в

обосновал заметное влияние экстремистских идей на развитие общественного движения и важную роль терроризма в политическом процессе Российской империи. Объективность суждений, взвешенность формулировок и отсутствие ангажированности в публикациях автора, во многом определили форму и ход современной научно-исторической дискуссии по революционно-террористической проблематике.

На новый уровень исследования российского революционного терроризма вывел К.Н. Морозов. Используя обширную источниковую базу, ему удалось по новому рассмотреть ранее известные и новые проблемы¹. Исследуя историю партии эсеров, он сформулировал существенные и объективные выводы об эволюции неонароднических взглядов на терроризм, изменениях тактической линии ЦК ПСР.

В целом, на данный момент можно констатировать наличие нескольких историографических концепций трактовки терроризма: охранительной, сформировавшейся в самодержавной России на основе сугубо критического отношения к революции; либеральной – распределяющей ответственность за насилие, как на революционеров, так и на самодержавие; революционной – характеризующей терроризм как одну из возможных форм революционной тактики; историко-культурологической – объясняющей проявления террора, сложившейся общественной обстановкой и исторической традицией использования насилия в политических целях; эволюционной – связывающей появление революционного терроризма процессом постепенного обострения длительных конфликтных противоречий. В последнее время активное развитие получила охранительно-либеральная концепция, в рамках которой, используя некоторые научные положения либеральной трактовки, акцентировано перекладывается ответственность за всплеск террористического насилия исключительно на революционное меньшинство общества.

Заключая историографический анализ можно отметить, что за более чем полуторавековую историю исследований революционного движения, только в последние десятилетия российские исследователи изучают собственно феномен революционного терроризма. Историками собран статистический массив данных центрального террора, частично регионального и местного, изучены факторы развития террористических тенденций, идеология и генезис революционного терроризма, исследованы стратегические и тактические нюансы использования террора различными партиями. В тоже время только частично исследованы субъекты террористического движения, организация и система боевых подразделений, недостаточно полно представляется местный террор, практически не ясны взаимосвязи революционного, социального и националистического терроризма.

Общую **источниковую базу** исследования можно подразделить: во-первых, на делопроизводство различных ведомств государства (МВД, судебное и др.); во-вторых,

русском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000 и др.

¹ Морозов К.Н. Научно-технический прогресс на службе у террора: планы «авиационного» и «подводного» покушения Боевой организации ПСР на Николая II (1907-1911 гг.) // Духовность. Журнал гуманитарных исследований. Кн. третья. Сергиев Посад, 2003. С.23-51; Он же. «Нет веры в револьверы»: эсеровская террористическая техника и планы «авиационного» и «подводного» покушения БО ПСР на Николая II в 1907-1911 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://socialist.memo.ru/firstpub/y05/morosov2.htm> 08.04.2014 и др.

революционную печать и партийные документы; в-третьих, продукцию общественных СМИ и публицистику; в-четвертых, эпистолярные материалы и дневники, мемуары и воспоминания.

Важнейший массив документов о террористической деятельности представлен материалами государственного и административного делопроизводства империи. К ним необходимо отнести, в первую очередь, документы III-го отделения С.Е.И.В. канцелярии и структур Министерства внутренних дел. Во второй половине XIX в. III-е отделение было ликвидировано, а все его дела переданы в образованный Департамент государственной полиции МВД, призванный объединить усилия всех структур для осуществления политического сыска. В декабре 1880 г. в розыскную систему МВД вошел также Отдельный корпус жандармов (ОКЖ). Постепенно сформировалась единая система сыска, подразделившая обязанности и функции между тремя силовыми структурами, объединенными Департаментом полиции (ДП): ОКЖ, охранные отделения (ОО) и общая полиция. В фондах этих подразделений отложился основной массив правоохранных сведений об оппозиционном движении (ГАРФ. Ф. 102. Фонд Департамента полиции).

По отношению к отдельным губерниям, регионам и местностям силовые структуры были представлены розыскными пунктами, местными и районными ОО, областными и губернскими жандармскими управлениями (ГЖУ), жандармскими полицейскими управлениями железных дорог и пр. Эти подразделения, каждое на своем уровне, собирали и анализировали оперативно-розыскной материал, принимали непосредственные меры для борьбы с местным оппозиционным движением. Пытаясь повысить эффективность, ДП требовал от местных розыскных органов постоянного использования полицейской агентуры, а в декабре 1906 г. подчинил их районным ОО, которые теперь координировали региональный розыск. Документацию силовых структур можно подразделить на нормативные акты деятельности, информационно-аналитические документы органов сыска (обзоры), оперативно-розыскные материалы (ориентировки) и документацию политических дознаний и следствий (переписка). Отчетность подразделений политического сыска собиралась в нескольких делопроизводствах и Особом отделе ДП, которые выполняли, в первую очередь, надзорные и управленческие функции. Кроме того, в ДП поступала информация от Дворцовой охраны, Заграничной агентуры, перлюстрационных кабинетов и других подразделений МВД. В департамент шла информация и от местных руководителей администраций – губернаторов, градоначальников и др. Не имея в подчинении органов прямого противодействия революционному движению, они обязаны были пресекать его в рамках соблюдения общественного порядка и оказывать содействие охранным структурам.

Важная информация о террористических преступлениях хранится в судебном делопроизводстве¹. Часть документов судебных процессов в отношении народнического движения и покушений начала XX в. была издана как официальными, так и революционными редакциями в виде стенографических отчетов, судебных репорта-

¹ ГАРФ. Ф. 124. Департамент Министерства Юстиции; Там же. Ф. 112. Особое присутствие правительствующего Сената для суждения дел о государственных преступлениях; РГИА (СПб.). Ф. 1405. Министерство Юстиции.

жей, речей подсудимых, судебной переписки чиновников. Позже эта документация неоднократно переиздавалась и дополнялась, что дает большой и важный источник информации. Рядом государственных указов были расширены права административной и военной юрисдикции, и это сильно ограничило открытость, гласность и состязательность процессов. Известная «скорострельность» этих судов определяла упрощенное рассмотрение дел. Поэтому, делопроизводство военных судов представляет собой зачастую краткое изложение сути преступления или даже указание только приговора, что значительно сокращает информационную ценность источника (РГВИА. Ф. 801. Главное военно-судное управление).

Другой важнейший источник о революционном экстремизме представлен с противоположной стороны, собственно от субъектов террористической деятельности, партий и структур её организующих. Революционная точка зрения отражена в документах партийного делопроизводства. Опубликованные материалы дают представление о партийном отношении к терроризму, экстремистской деятельности, её организации¹. Однако эти сборники, не имея цели представить собственно террористическую проблематику, отразили её лишь частично.

Обширный объем информации несет разнообразная партийная печатная продукция. В силу огромного влияния оказываемого террористическими акциями на население, революционные организации стремились обосновать и разъяснить общественности свои действия. Постепенно сформировался целый комплекс революционных прокламаций и листовок, вышедших вслед терактам. В тоже время, анализ партийной литературы показывает, что в ней представлена только наиболее известная часть террористических деяний.

Удовлетворяя читательский интерес, максимальное количество сведений по поводу покушений, естественно не всегда объективных, стремились собрать и общественные СМИ.

Важный комплекс источников представлен документами личного происхождения: мемуарами, дневниковыми записями, письмами и пр. Субъективность этого комплекса документов не уменьшает его значение. Ряд воспоминаний народовольцев вышел еще в царский период, по ходу революции писали воспоминания и очерки некоторые организаторы эсеровского террора (Г.А. Гершуни, Б.В. Савинков, Г.А. Нестроев). Интересные, но неизданные рукописи воспоминаний рядовых эсеров и анархистов, можно обнаружить в каждом фонде местных Истпартотделов. Кроме духа и атмосферы революционной борьбы, этот комплекс несет большой потенциал информации, подчас имеющийся только в нем. В силу последующей политической конъюнктуры наибольший интерес представляет мемуаристика первых двух десятилетий Советской власти. Издательская активность историко-революционных

¹ Литература партии «Народная воля». М., 1930; «Народная воля» в документах и воспоминаниях. М., 1930; «Народная воля» перед царским судом. М., 1930-1931. Вып. 1-2; Народовольцы: Сб. 1-3. М., 1929-1931; Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932; Революционное народничество 70-х гг. XIX в.: сборник документов и материалов. М.; Л., 1964-1965. Т. 2. 1876-1879; Революционный радикализм в России: век девятнадцатый: Документальная публицистика. М., 1997; Партия социалистов-революционеров: Док. и мат., 1900-1922 гг. В 3-х тт. Т. 1. 1900-1907 гг. М., 1996; Т. 2. Июль 1907 – февраль 1917. М., 2001; Анархисты: Док. и мат. В 2 т. Т. 1: 1883-1916 гг. М., 1998; Союз эсеров-максималистов. 1906-1924 гг. Док., публицистика. М., 2002.

журналов «Каторга и ссылка», «Пролетарская революция», «Красный архив», «Красная летопись», «Летопись революции», «Борьба классов» и др. создала уникальный по значимости массив данных.

Особый интерес представляет личная переписка революционеров. Кроме опубликованных писем известных деятелей движения, большое значение имеют сведения, приобщенные к правоохранительному делопроизводству. Преимущественно это перлюстрированные или обнаруженные в ходе обысков документы. Кроме возможного наличия фактической информации, эти письма помогают раскрыть и внутренний мир революционной субкультуры. Особенно важна личная переписка боевиков, анализ которой позволяет изучить мотивационную сферу отдельных террористов. Восприятие революционного экстремизма и перипетий антитеррористической борьбы отражено в эпистолярном наследии чиновников силовых структур. Воспоминания силовиков дают важные суждений о правительственной тактике и стратегии в борьбе с революцией (П.А. Валуев, А.Т. Васильев, А.В. Герасимов, К.И. Глобачев, В.Ф. Джунковский, П.П. Заварзин, П.Г. Курлов, А.А. Лопухин, А.П. Мартынов, Л.П. Меньщиков, В.Д. Новицкий, А.И. Спиридович). Субъективное восприятие революционной обстановки, трактовка политической элитой и высшими административными чиновниками, как политических событий, так и отдельных терактов также отражены в ряде интересных воспоминаний и дневников (А.В. Богданович, С.Ю. Витте, А.П. Извольский, В.Н. Коковцов, П.Н. Милюков, Е.А. Перетц, А.А. Половцов, Е.А. Святополк-Мирская и др.).

В последнее время вышло несколько ценных исторических сборников террорологической тематики¹. Имея инкорпорированный характер, демонстрируя разнообразные ракурсы и аспекты противостояния революционного терроризма и охраны, используя как архивные документы, так и публикации мемуаров, нормативных актов и др., сборники позволяют представить насколько глубоким оказался общественно-политический кризис в российском обществе и государстве, выразившийся в террористических формах экстремизма.

Вторая глава диссертации, разделенная на два параграфа, рассматривает вопрос социальных причин распространения экстремистских и террористических тенденций в России.

В первом параграфе главы отмечается, что наиболее выраженными проблемными следствиями ускоренной модернизации России на рубеже XIX-XX вв. были сохранение большого количества феодальных и традиционалистских пережитков в политической, социальной и духовной сферах жизни, обширная маргинализация общества, высокое расслоение и люмпенизация целых слоев населения. Каждое из этих следствий, расставляло свои акценты в характеристике кризисного состояния общества и государства, а все вместе они оказались неразрешимой проблемой для монархии. У огромного количества населения модернизационный разрыв между критически оцениваемым актуальным состоянием и нереализуемыми ожиданиями

¹ Письма Азефа: 1893-1917. М., 1994; Женщины-террористки в России. Ростов н/Д., 1996; История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д., 1996; Агентурная работа политической полиции Российской империи. М.; СПб., 2000; Политическая полиция и политический терроризм в России: Вторая половина XIX – начало XX в.: Сб. док. М., 2001;

формировал «фрустрационное», депрессивное состояние, которое является следствием «революции ожидания» (В. Берковитц)¹, и активизацию проявлений девиантного поведения (алкоголизм, самоубийства, криминалитет)². Целесообразно считать рост девиантных проявлений традиционалистскими формами сопротивления или социальными реакциями тех слоев и представителей населения, которые в наибольшей мере претерпели негативные последствия модернизационных процессов. Именно это подтверждается восходящей динамикой девиаций на рубеже веков, затем их резким понижением после начала политических изменений (1905), и спустя некоторое время, возвращение устойчивого роста, что статистически и фиксируется.

Осуществленное автором исследование позволяет сделать обоснованный вывод о том, что в основе всплеска российского революционного экстремизма имелись выраженные социальные факторы, такие как, высокий уровень социальной напряженности, сложившийся жестокий характер структурного (государственного) и антисистемного (революционного) политического насилия, кризис традиционных механизмов социального контроля отклоняющегося поведения. Данные социально-политические причины, усугублялись экономическими, внешнеполитическими и этническими противоречиями, которые еще более обострялись под влиянием неспособности власти и правящей элиты оперативно, конструктивно и согласовано реагировать на меняющуюся обстановку. Социальная агрессия, порождаемая этими кризисами, трансформировалась под влиянием идейной и культурной оппозиции в различные формы конфликтов. Российскому самодержавию, не обладающему традициями и умением ведения политической борьбы согласительными методами и средствами, не удалось сдержать разрушительную силу этого социально-политического взрыва.

Революционный терроризм был акцентирован против правящего режима, имел заговорщическую и ситуационную (регулятивную) тактико-стратегическую обусловленность. Однако, вслед за революционной риторикой и терактами, в условиях роста массового революционного движения начала XX в. возросло число актов традиционного «рутинного» (Дж. Скотт) крестьянского сопротивления, частью революционного лагеря (неонародники, анархисты) поощряемых. Это привело к резкому всплеску террористического насилия в Первую российскую революцию. Партийные призывы к организации и провоцированию социального экстремизма оборачивались вульгаризацией политического террора, потерей управляемости террористических групп и криминализацией боевой деятельности, что объясняется разными основаниями происхождения и факторами развития двух террористических движений (политического и традиционалистского). Именно традиционалистский компонент революционного терроризма оказался наименее подвержен управляемости со стороны революционных комитетов.

Во втором параграфе главы отмечается, что многочисленные факты и анализ исторического материала убедительно демонстрируют картину глубокого противоречия социально-психологического облика и кризисную социальную идентичность

¹ Берковитц Л. Агрессия: Причины, последствия и контроль. СПб., М., 2001.

² Ланцова Л.А., Шурупова М.Ф. Социологические теории девиантного поведения // Социально-политический журнал. 1993. № 4. С.32-41.

революционных террористов. Это с одной стороны, вело к конфликту с социальным окружением, с другой – формировало свою особую среду исключительности, наполненную революционным содержанием. Обширное мотивационное разнообразие участия в террористической деятельности боевиков объясняет многочисленность состава экстремистских подразделений. В свою очередь, такой исключительный всплеск социально-политической агрессии мог произойти только вследствие стечения многих обстоятельств и факторов, имеющих объективную и долговременную природу происхождения. При этом персональная мотивация подавляющего числа террористов имела декларативно альтруистическую, общественно значимую природу, чем трагичность ситуации еще более усугублялась. Преследуя позитивные цели, прибегая к всевозможным средствам, революционеры ходом политического процесса склонялись к наиболее экстремистским методам. На персональном уровне это проявлялось в том, что фрустрационные переживания канализировались в разрушительную деятельность, которая при этом еще и становилась общественно поощряемой.

В третьей главе диссертации, разбитой на два параграфа, анализируются идейно-стратегические основания обеих террористических кампаний. Отмечается, что причиной использования насилия в социально-политических противоречиях Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. являлось постепенное формирование всё более радикальных взглядов на перспективы общественного развития страны. Радикализм (от лат. *radix, radicalis* – корень, коренной), как система идей и действий, направленных на решительное, коренное изменение существующих государственных институтов, создал идеологическую основу для появления экстремистских взглядов на характер, форму и содержание предлагаемых мер и изменений. Комплекс факторов и причин определил основным содержанием этих мер приверженность экстремистских (от лат. *extremus* – крайний) социально и политически агрессивных способов отстаивания своих интересов. Масштабы и глубина предлагаемых изменений имели революционный характер. Постепенно в числе используемых форм борьбы особую роль стали играть террористические.

Автором отмечается, что первые практические проявления революционного экстремизма в России носили неопределенный характер, были обусловлены истеричностью натур их осуществивших или имели не столько политическое назначение, сколько «внутреннее», организационное, направленное на «очищение» рядов от отступников¹. Отсутствие последователей и осуждающая позиция большинства революционеров на эти преступления показывает, что объективной обусловленности произошедших преступлений не имелось. Они были результатом эпатажного экстремизма демонстрируемого отдельными личностями и малочисленными группами наиболее радикального крыла народнического движения. Напротив, в ближайшие годы после этих преступлений была развернута активная пропагандистская и агитационная работа. Однако трагические последствия «хождения в народ» проявились в огромных кадровых потерях в результате арестов, дискредитации веры в «исконное бунтарство» русского крестьянства и, как следствие, в охватившем народничество идеологическом кризисе.

¹ Столичные пожары в мае 1862 г., покушение Д.В. Каракозова на императора Александра II (04.04.1866), убийство студента И.И. Иванова, организованное С.Г. Нечаевым (21.11.1869).

Кризисное состояние канализировалось злобой и ненавистью в агрессию и насилие, первоначально теоретически неоформленные, стихийные, но постепенно получившие политико-идеологическое обоснование. Первые экстремистские акции революционеров были направлены против предателей и отступников. Другое стратегическое обоснование терроризма революционерами базировалось на необходимости противопоставить карательной машине государства достойную защиту. Апелляция к препятствованию правительством революционной пропаганде и агитации была постоянной, а обвинения в карательных репрессиях стали обычными. Террористические покушения в такой ситуации на сотрудников правоохранительной системы представлялись акциями самозащиты.

Анализируя революционные теракты, можно констатировать, что именно мстительное обоснование являлось одной из главных побудительных причин. Имея большое количество агитационной партийной продукции, в которой месть называется одним из главных призывов участия масс в революционном движении, и, характеризуя месть как действия и психологическое чувство производные от стремления покарать за понесенные лишения, необходимо согласиться с утверждением о глубоком антагонизме российского общества, проявившемся в высоком уровне жестокости политической борьбы.

Несмотря на «аффективный» характер большинства осуществленных терактов, с 1878 г. в рядах землевольцев четко стала проявляться тенденция к политическому экстремизму. Весной 1878 г. в программе «Земли и воли» использование террористической тактики было зафиксировано в «дезорганизаторской» части. Несмотря на это, основное внимание в программе было уделено организации «народного недовольства» и слиянию революционного движения «с существующими уже народными организациями революционного характера»¹. Революционное движение находилось на распутье, очевидно, наблюдался кризис средств и методов борьбы.

В такой ситуации, первенство стала приобретать тактика, которая позволяла с минимальными изменениями народнической теории организовать активную деятельность экстремистского меньшинства. Агрессивно настроенная часть землевольцев исходила из утверждения, что кроме пропагандистской и агитационной работы, необходимы новые формы борьбы и, в первую очередь, расширение боевых акций. Важнейшим условием успеха и залогом восстания стала рассматриваться дезорганизация власти, а основным средством дезорганизации – боевая деятельность. В осуществление же покушений, кроме мстительных и охранительных мотивов, необходимо руководствоваться и политическими соображениями, что должно увеличить спектр объектов покушений и централизацию управления боевыми акциями. Наиболее соответствующей формой боевой деятельности признавалась систематическая организация индивидуальных покушений на ключевых деятелей правительства. Новым становилось достижение промежуточной цели в виде захвата власти с помощью политического переворота или навязывания правительству уступок достаточных для наступления политической свободы. 26 августа 1879 г., после новых казней революционеров, Исполнительный комитет «Народной воли» выносит

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. 1876-1882 гг. М., Л., 1965. С.33.

императору Александру II смертный приговор. Начинается планомерная подготовка покушений на государя, которая завершилась трагедией 1 марта 1881 г.

Дискуссии о народническом движении и наработанный исторический материал позволяют сделать несколько выводов касающихся революционно-террористической идеологии второй половины XIX в. Во-первых, нет оснований отделять террористическую практику народовольцев от террористических эксцессов народников 60-х гг. и землевольцев, это был единый процесс развития одной из форм революционного движения. Постепенно от акций оборонительно-мстительного насилия народники перешли к терроризму наступательному и регулятивному. Во-вторых, народовольческий террор стал ярким и существенным проявлением российского революционного движения XIX в., усугубил «кризис верхов», что выразилось в неспособности власти себя защитить, подверженности панике, неустойчивости правительственного курса (шараханье от репрессий к реформам и обратно). В-третьих, террористическая угроза представлялась самодержавию предельно опасной, а каждый революционер считался потенциальным террористом. Поэтому карательные меры в отношении революционных представителей были подчас неадекватны, чрезмерно репрессивны и мнительно жестоки. В-четвертых, народовольческая «охота на царя» являлась начальной и важнейшей частью бланкистской тактики установления социалистического строя в России в её народовольческом варианте. В-пятых, анализ источников приводит к заключению, что однозначного взгляда на террористическую тактику и стратегию внутри народнического движения не существовало. В-шестых, для определенного круга революционеров поражение народовольцев не означало разочарования в террористических формах борьбы, более того, оно создало впечатление, что им для победы не хватило самой малости. Часть революционного сообщества основным результатом переосмысления террористической борьбы вынесет вывод о необходимости на смену узкопартийному, централизованному террору народовольцев организовать систематический, социально и политически более массовый терроризм.

Последователями народовольческого терроризма этот недостаток предлагалось ликвидировать за счет увеличения числа объектов нападений и совершенства организационной структуры. Позже крайнее крыло анархизма, представленное «безмотивниками», предлагало применять индивидуально-террористические способы борьбы ко всем представителям буржуазного класса вне зависимости от их участия в классовой борьбе и доле в общественной собственности. Призывая, потворствуя и провоцируя безмотивный, аграрный и фабричный террор, сторонники этих взглядов считали возможным именно в такой форме осуществить общественное реформирование. Таким образом, в идеологии отдельных революционных течений индивидуально-террористическое насилие в начале XX в. сформировалось в одну из стратегических форм борьбы и оформилось в доктринальный вид терроризма.

Характеризуя идеологическое обоснование второй террористической кампании (1901-1911 гг.), что осуществлено во втором параграфе третьей главы, отмечается, что со стратегической точки зрения, разница подходов неонародников и марксистов на использование терроризма заключалась в том, что эсеры предлагали использовать террор для развития и начала массового протестного движения, а социал-демократы напротив, считали возможным перейти к террору в условиях уже начавшегося

массового движения, постепенно доведя его до масштабов «терроризма великой французской революции».

Неонароднические идеологи считали, что дезорганизовать власть и подорвать ее функциональность настолько, чтобы разрушить государственную систему способна лишь спланированная и массивная террористическая кампания, начальные успехи которой должно завершить массовое движение. Рост проявляемого при этом экстремизма, постепенно должен был достигнуть уровня парализования воли, как отдельных представителей господствующего класса, так и целых его слоев. Для этого необходимо силовые удары наносить в структурообразующие звенья государственной системы. В тоже время, как отмечали эсеры, добиться необходимых для развала административной работы масштабов террористической деятельности в состоянии только организованные партийные структуры и целенаправленные действия комитетов.

Модернизированным идеологическим обоснованием и основными доводами использования террористических методов борьбы в начале XX в. стали следующие. Во-первых, активно эксплуатировалось утверждение о возможности использования терактов для подъема, активизации и радикализации массовой революционной борьбы и формирования общественной «атмосферы» насилия. Во-вторых, если причинами первых акций индивидуального терроризма начала XX в. акцентировано называлась личная ответственность жертв и мстительная мотивация по отношению к ним, то с ростом массового движения в 1905 г. акцент сменился должностной ответственностью объектов покушений. В-третьих, успехи первых террористических актов, кризис власти, рост либерально-демократического и массового движения породил революционную уверенность в дезорганизаторских возможностях терроризма. В-четвертых, террористические акции, стремительно перешли от индивидуальных форм объектного и субъектного содержания к групповым, что породило рост специализированных боевых дружин и переход к диверсионным и, так называемым, «партизанским» акциям. Терроризм стал частью массовой революционной деятельности.

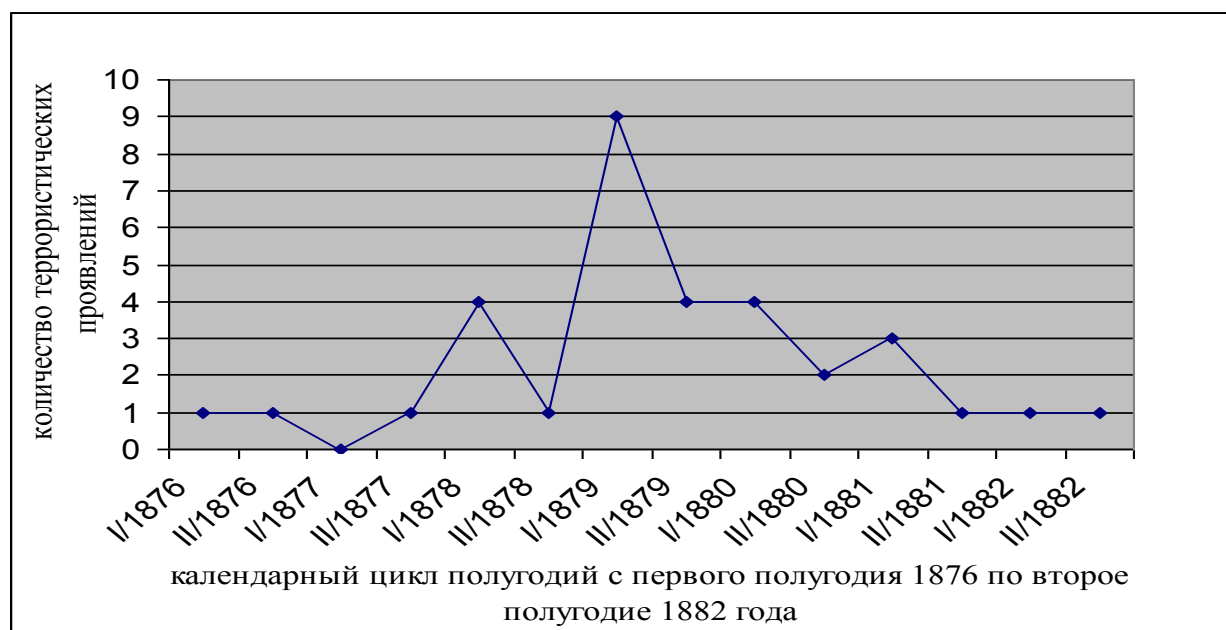
В четвертой главе диссертации, также разбитой на два параграфа, рассматриваются тактические тенденции двух террористических кампаний. В первом параграфе отмечается, что переход от мстительных обоснований терроризма к дезорганизаторским произошел еще до появления «Народной воли». Раскол «Земли и Воли», появление организации, заявившей свои агрессивные бланкистские планы, стимулировал объединение всех экстремистских сил революционеров, однако для этого необходимо было время, инвентаризация сил и консолидация кадров, что осложнялось необходимостью партийного раздела с чернопередельцами. Планируемое покушение на царя было обусловлено не только дезорганизаторскими задачами, но и регулятивными – приостановление террористических акций народовольцы связывали с прекращением политических репрессий и началом демократического реформирования государственного строя¹. Помимо этого, убийство царя было напрямую связано с перспективой и возможностью осуществить государственный переворот («инсуррек-

¹ См. прокламации Исполнительного комитета по поводу покушений 19 ноября 1879 г., 5 февраля 1880 г. и 1 марта 1881 г. (Революционное народничество 70-х годов XIX в. Т. II. 1876-1882 гг. М.; Л., 1965. № 56. С.221-222; Там же. № 58. С.223-224).

цию»). Однако, несмотря на прилагаемые усилия в организации боевых дружин из рабочих и военнослужащих, практической взаимосвязи между планами цареубийства, революционным переворотом (заговором) и захватом власти создано не было – у народовольцев не оказалось, ни сколько-нибудь реалистического плана, ни физических сил, ни инициативных действий. В дальнейшем, именно в отсутствие последних факторов и видели причину поражения народовольческого терроризма будущие неонародники. Поэтому в своей террористической стратегии, которую они пытались реализовать в ходе Первой российской революции 1905-1907 гг., неонародники отказались от захвата власти при помощи индивидуально-террористических акций, постарались разграничить центральный террор и массовое революционное движение, отделить боевиков от общей массы революционеров, максимально расширить границы местного «разлитого» террора, подчинить партийному контролю проявления аграрного и фабричного террора и пр.

Идейная конструкция всей террористической деятельности народовольцев с гибелью императора и отсутствием реакции народных масс рухнула, организационная система вследствие полицейских арестов развалилась, кадровые ресурсы народовольцев оказались исчерпаны.

Таблица 1

Анализируя террористическую активность народников (См. Таблица 1) можно заключить, что организованный (систематический) терроризм достиг наибольшей интенсивности в первой половине 1879 г. когда совместились активность «южных бунтарей» и крайнего крыла землевольцев. После арестов на юге и создания «Народной воли», революционный терроризм, потеряв в количестве и качестве, значительно приобрел в политической ангажированности и целеустремленности. Достижение тактического успеха народовольцев, – гибель в марте 1881 г. императора Александра II, не оправдало стратегических ожиданий партии.

В диссертации отмечается, что первая террористическая кампания была ярко выраженным политическим явлением, не имеющим сколько-нибудь массовой социальной поддержки. Политическая слабость народничества, проявившаяся в

недостаточных организационных и кадровых ресурсах, не позволила продуктивно воспользоваться дезорганизаторскими успехами террористов в борьбе с властью. Попытки использовать терроризм для пропаганды политической активности масс столкнулись с патриархальным отторжением крестьянства и политической слабостью пролетариата, а заговорщическая тактика народовольцев оказалась фикцией. В целом, социально-политическая база террористической деятельности народников имела ограниченные возможности. Однако предпосылки этой деятельности были не устранены – системный государственный кризис еще более углубился, революционные идеи оказались жизнеспособны, а террористический опыт преемствен.

Во втором параграфе главы констатируется, что российский революционный терроризм начала XX в. появляется в форме актов центрального террора, осуществленных БО ПСР. Совершенные до 1905 г. четыре центральные покушения (на министров внутренних дел Д.С. Сипягина и В.К. Плеве, губернаторов Н.М. Богдановича и И.М. Оболенского) имели огромный общественный и политический резонанс. Необходимо учитывать, что эти акции не являлись исключительными или новыми явлениями политического процесса. Террористические акции БО ПСР попадают в благоприятную среду перманентного медленно развивающегося националистического и социального насилия¹.

Отсутствие единства в рядах революционного лагеря, в том числе и по вопросу терроризма, позволяет говорить о наличии нескольких сложившихся тактико-стратегических позиций использования индивидуально-террористического насилия в Первой российской революции. Во-первых, это стихийная, традиционная практика социального экстремизма, представленная индивидуальными и групповыми преступлениями рабочих и крестьян (т.н. «фабричный и аграрный террор»); во-вторых, это активно в рамках политических программ потворствующие и практикующие разнообразный социально-политический экстремизм анархистские и максималистские организации и группы («разлитой, кустарный, безмотивный терроризм»); в-третьих, это сторонники ситуационной тактики использования актов политического террора и, в первую очередь, ЦК ПСР; в-четвертых, сторонники перевода насилия, при помощи эскалации актов индивидуального экстремизма, в форму организованной партизанской деятельности. Такое деление носит условный характер, который однако позволяет более четко представить размах и противоречивость террористической борьбы развернувшейся в ходе революции. Кроме того, очевидно, что позиции не являлись стабильными как по персональному составу, так и по последовательности.

Так же как и в XIX в., одним из наиболее употребляемых аргументов обоснования организации местного террора становится требование самозащиты от полицейских и жандармских преследований и месть за репрессии. Эти причины стимулировали появление террористических тенденций во многих провинциальных революционных комитетах. По Европейской России, за 1901-1914 гг. достаточно ясно удалось выяснить причины покушения 194 терактов. Из них: 97 актов обусловлены мстью, 50 – различными вопросами самообороны и в 47 преобладают эксцитативные причины.

¹ Квасов О.Н. Националистические аспекты российского терроризма начала XX в. // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 6 (15). С.206-215.

Прокатившиеся по стране в декабре 1905 – январе 1906 гг. карательные действия властей и армии привели к поражению массовых боевых дружин, упадку энтузиазма боевиков и развалу подразделений. Неприиспособленные к боевым столкновениям с армейскими частями дружины оказывались либо бездеятельными, либо быстро разгромленными. Ни вооружения, ни тактической подготовки, ни перспективной цели действий такие подразделения не имели. Революционные партии принимают решение о роспуске прежних дружин и формировании новых подразделений.

Социал-демократические и эсеровские партийные стратеги предсказывали летом-осенью 1906 г. очередной всплеск аграрных волнений, к которому стремились приурочить политическую и боевую активность. Произошло своеобразное сближение тактических позиций при сохраняющейся полемике по поводу форм революционной борьбы и способов террористической деятельности. Социал-демократические боевые дружины стали более активно осваивать навыки городских и массовых боевых столкновений, проводить учебные стрельбы с различными видами оружия и осуществлять групповые экстремистские акции, которые при этом отказывались называть террористическими, именуя партизанскими. В свою очередь эсеры, продолжая осуществлять индивидуально-террористическую деятельность, стали активно организовывать и поощрять партизанскую деятельность. Формы партийного экстремизма за лето 1906 г. разнообразились за счет активного роста партизанской борьбы и различных форм экспроприаторства. Количество насильственных акций значительно увеличилось, а число объектов подверженных террористическим атакам расширилось.

После роспуска Государственной думы, ни увеличение количества терактов, ни участвовавшие экспроприации, ни радикальная позиция либеральной буржуазии («выборгское воззвание») поднять массовое движение оказались не в состоянии. Неподготовленные и нескоординированные восстания в Свеаборге (18-20.07.1906) и Кронштадте (19-20.07.1906) стали провальной кульминацией массовых вооруженных выступлений¹.

Правительство и местная власть, несмотря на многочисленные симптомы «кризиса верхов», сохранили работоспособность и перешли к тактике репрессивного подавления оппозиции. Введение военно-полевой юстиции (19.08.1906) развязало руки местной администрации для принятия чрезвычайных мер подавления.

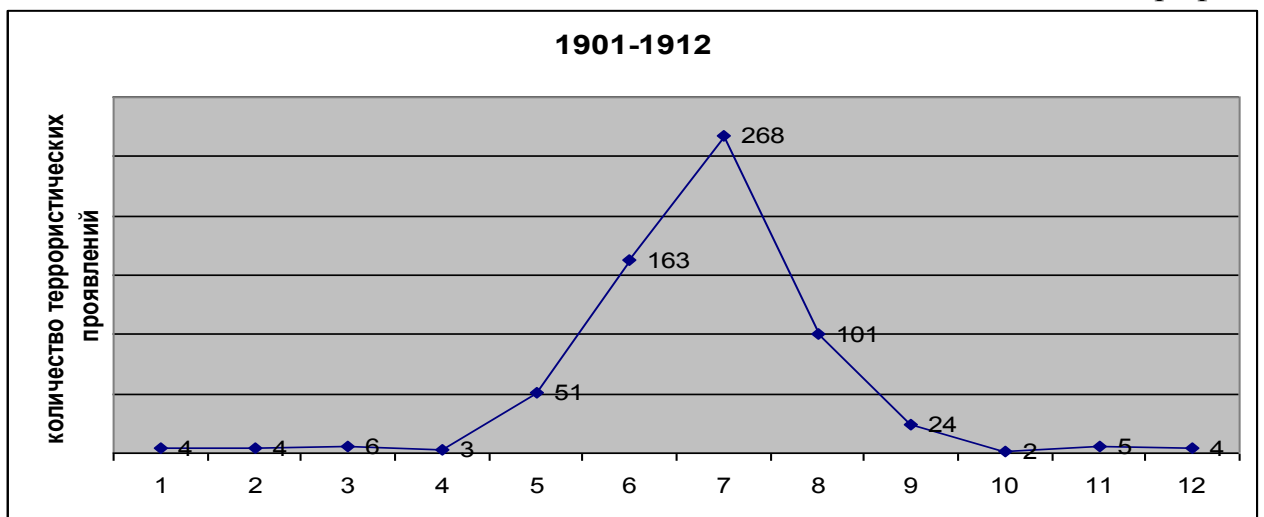
В отличие от первых лет революции, в 1907 г. эсеры отказываются от тактики провоцирования стихийных действий и начинают прямо провозглашать самостоятельность и террористическую активность боевиков. Устав боевой дружины крестьянского братства ПСР (1907) поощрял развитие так называемого «разлитого» террора. Таким образом, народническая идея партийного инициирования аграрного террора, которую высказывал еще Л. Тихомиров и на которой настаивали «аграрные террористы» в 1904 г., была продекларирована и эсерами. Целенаправленные усилия по формированию партизанского движения приложили эсеровские комитеты Воронежской и Уфимской губ. Летом 1907 г. развернуть масштабные действия

¹ Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2004. С.463.

готовились и поволжские эсеры¹. Социал-демократические организации имели боевые формирования в меньшем количестве, кроме того, в самой партии отсутствовала единая тактика в связи с фракционными столкновениями. Однако, при некоторых комитетах (Петербургский, Кавказский, Уфимский) были боевые дружины, практикующие партизанскую и террористическую деятельность. Анархистские и максималистские организации, несмотря на свою революционную боевитость и террористическую агрессию, в конце 1907 г. лишились большей части боевых сил, но смелые планы организации партизанского движения разрабатывали московский максималисты². Сложившееся революционное положение и наличие реальных сил, не создавало для оппозиционных партий позитивных перспектив на случай вооруженного обострения ситуации. Однако логика революционной борьбы и стратегия политических противников толкнула страну в еще большую эскалацию террора.

Роспуск Думы (03.06.1907) оказался основной массой российского общества незамеченным. Революция закончилась, чего нельзя было сказать о террористической деятельности. Вторая половина 1907 и начало 1908 гг. представляли собой кульминацию краха тактических надежд комитетов и отчаянную безысходность революционного боевизма.

График 2

При всех партийных усилиях, революционно-террористическая деятельность с середины 1907 г. все яростнее теряла партийную организованность и управляемость. Террор мельчал, рассыпался на отдельные эпизоды. Болезненным явлением становилась стремительная деградация революционных и организационных принципов борьбы боевиков. Самодеятельность отдельных террористов стала распространенным явлением. В 1907 г. количество жертв среди частных лиц постепенно начинает превосходить, а с 1908 г. превосходить уже в несколько раз число жертв среди госслужащих³.

¹ Посадский А.В. Черная сотня в саратовской деревне в 1905-1916 гг. // Отечественная история. 2007. № 1. С.135.

² Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. С.194.

³ Квасов О.Н. Количественные параметры жертв революционного терроризма начала XX века // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2010. № 2. Июль-декабрь. С.28.

В 1908 г. для подавляющего большинства революционных партий стала в полной мере очевидна невозможность при помощи террористических или партизанских действий реанимировать массовое революционное движение. Это подтверждается и снизившейся террористической активностью, что отражено в графике 2.

Террор в своей эксцитативной (возбуждающей) функции при отсутствии поступательного роста массового движения себя исчерпал. Все попытки поднять с помощью провоцирующих силовых акций аграрное движение также закончились провалами. Террористические и боевые организации левых партий ликвидируются полицией или самостоятельно распускаются комитетами. В тоже время появляется большое число мелких экстремистских групп леворадикальной ориентации. Преимущественно эти группы исповедовали анархистскую идеологию или придерживались максималистской тактики. Однако большое их количество представляло собой псевдореволюционные группы со странным симбиозом идей анархии, обогащения и перераспределения. Большинство таких групп будут заниматься экспроприациями или различными формами вымогательства.

В целом, можно видеть, что политический терроризм после 1908 г. не приобрел сколько-нибудь существенных масштабов и не вышел за пределы редких исключений вследствие отсутствия революционно-партийной деятельности и ликвидации организационного механизма террора. Связывать это отсутствие с разрешением социально-политических противоречий царским правительством, оснований нет. По сравнению с рубежом веков акции политически немотивированного индивидуального насилия после Первой революции проявляют себя намного чаще. Это было обусловлено приобретенным опытом политической борьбы, наличием экстремистски ориентированной агитации и пропаганды, существующими социально-экономическими проблемами.

Наиболее распространенными формами крестьянской борьбы становятся индивидуальные протесты. Огромный размах, большей частью скрываемый, приобретают поджоги, достигшие пика в 1910 г. «Почти всегда» такие пожары полицейское дознание фиксировало как «пожар по неосторожности». Как утверждала сама губернская власть, «объясняется это явление тем обстоятельством, что некоторые страховые общества не выдают ... вознаграждения за убытки, происшедшие от поджогов на аграрной почве»¹. Тем не менее, М.Н. Покровский отмечал: «В 1910 г. в черноземной полосе – главном театре крестьянских волнений в 1905-1910 гг. и "землеустройства" при Столыпине – мы имеем 647 поджогов помещиков и 2993 поджога "отрубников" и "хуторян"»². Характерно эти цифры сравнить с количеством поджогов за первые три года XX в. по всей России: в 1901 г. – 7, в 1902 – 69, в 1903 – 389³. Характеризуя сибирское крестьянство, Г.А. Ноздрин также указывает, что «в годы столыпинской аграрной реформы резко увеличилось число индивидуальных повседневных форм борьбы... В 1908-1910 гг. число политических выступлений и организованность крестьянского движения, сдерживавшие анархические тенденции в

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 990. Л.118. См. также: Мельников Н.А. 19 лет на земской службе (1898-1916)(отрывок из неопубликованной книги) // Звезда. 2002. № 7. С.148.

² Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. III: Двадцатый век. Вып. 1: 1896-1908 гг. [Электронный ресурс]. URL:http://scepsis.net/library/id_847.html.

³ Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2004. С.85.

крестьянстве, снизились, что привело к увеличению террора и повседневных форм борьбы», то же произошло и на Украине ¹.

Таким образом, анализ тактики террористической борьбы российских революционных партий начала XX в., позволяют сделать следующие выводы:

1. В использовании терроризма наблюдались три основные тактические линии. Во-первых, при поступательном росте массового оппозиционного движения использование терактов в виде силового инструмента давления на власть. Во-вторых, совершение различных террористических акций в ходе прямых боестолкновений, как особых форм диверсионной и партизанской борьбы против органов административной власти и силовых подразделений, и, в-третьих, в конце революции осуществление террористических акций для активизации и экстремизации массового движения. 2. На протяжении всего периода революции ни одна революционная партия не продемонстрировала постоянства тактической линии использования терроризма. 3. Местные партийные комитеты своей неоднозначной позицией к терроризму и тактическим «шараханьем» еще более увеличивали разногласия между комитетами и боевиками. 4. При наиболее выраженной активной пропагандистской и агитационной поддержке революционного экстремизма со стороны неонароднических партий, террористические акции практически осуществляли все сторонники революционного лагеря. 5. Революционный террор медленно сходил с политической арены под влиянием комплекса причин, среди которых наибольшее значение имели репрессивно-полицейское преследование преступников, партийные кризисы, криминальное разложение боевых формирований, прекращение массового движения, поражение революции и отсутствие социальной поддержки. 6. 1907 г. стал самым кровавым годом революционного терроризма. Причинами этого стали: во-первых, упорные и многочисленные попытки революционных организаций и групп с помощью террористических методов активизировать массовое движение; во-вторых, бескомпромиссный и жесткий правительственный курс на подавление революционного и террористического движения, вызвавший ответный рост мстительных актов; в-третьих, переход крестьянских форм борьбы от публичных к индивидуализированным и скрытым; в-четвертых, постреволюционный рост криминалитета и уголовной преступности; в-пятых, поражение революции, породившее проблему легализации и социальной реабилитации для рядового состава революционных и террористических групп.

В пятой главе диссертации, разбитой на два параграфа, даётся **структурно-функциональный анализ революционного терроризма**. В первом параграфе отмечается, что по разным причинам уставные документы не получили научной известности. При этом необходимо учесть, что правильно организованные террористические группы и партийные комитеты старались закрепить свои отношения посредством уставов, что являлось залогом успешной деятельности.

Положения боевых уставов позволяют более четко определить задачи террористической стратегии и тактики. Варианты содержания уставов на уровне комитетов и

¹ Ноздрин Г.А. Социальный протест сибирского крестьянства во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского гос. ун-та. 2005. № 288. С.147-148; Лось Ф.Э., Михайлюк О.Г. Класова боротьба в українському селі 1907-1914. Київ, 1976.

дружин дают возможность выделить различия официальных позиций партии и взглядов местных революционеров на насилие. Уставы революционно-экстремистских подразделений, их влияние на террористическую деятельность боевиков отражают представление о внутренних процессах и тенденциях развития террористических организаций, без понимания которых, крайне сложно определить влияние и значение терроризма в российских революционных процессах.

Уставные документы террористических подразделений, позволяют сделать вывод о том, что основными критериями, по которым различались террористические группы были функциональный и территориальный принципы. Оба принципа использовались одновременно и дополняли друг друга. Подавляющая часть уставных программ появилась в ходе Первой российской революции, большинство в 1906 г. Наиболее четкий и разработанный механизм осуществления политического террора имела партия эсеров. Этот механизм включал различного вида субъектов террористической деятельности, строго определенные прерогативы и обязанности, как самих террористических групп, так и их членов. Общая структура боевых субъектов повторяла партийную организационную схему: центральные, областные, губернские, местные и партизанские. К особой форме террористических формирований можно отнести массовые организации, объединения и целые партии, своей основной, а подчас и единственной, деятельностью считавшие организацию террористического насилия. Такими наиболее крупными формированиями были ряд анархистских групп (безмотивники, анархо-коммунисты), эсерово-максималистские организации, ряд псевдо-анархистской и эсеровской ориентации объединений. По типу террористические подразделения делились на летучие, выполняющие особой важности террористические задания, и стационарные, подчиненные определенным комитетам, которые, в свою очередь, могли быть как универсальными, так и строго определенной функциональности (патрульные, милицейские, партизанские и пр.). Важнейшими пунктами уставов являлись вопросы управления, подчиненности и определения границ самостоятельности подразделений. Содержание этих пунктов напрямую было связано с решением двух основных внутренних проблем боевых групп – безопасность-конспирация и партийный контроль-дисциплина. Политические события начала XX в. показали, что ни одна революционная партия не смогла в полной мере решить этих проблем.

Во втором параграфе главы, разбирается вопрос организации и управления террористических групп. Отмечается, что общепартийные проекты уставов террористических подразделений на местном уровне могли значительно варьироваться. В зависимости от стремлений комитета, наличия и активности боевиков, боевой устав мог иметь очень неопределенные нормы, а подчас и просто отсутствовать. Большинство уставов являлись ответом центральных органов партии на требования боевиков упорядочить взаимные отношения.

Типы управления боевыми подразделениями представляли три разновидности: единоначалие; двоеначалие, при котором к боевому руководителю присоединялся уполномоченный от комитета; и, третий вариант, коллегиального руководства, когда единый центр боевой деятельности объединял начальников подразделений и совместно осуществлял руководство боевыми действиями.

Анализ управленческой структуры боевых подразделений показывает, что революционный терроризм тяготел к созданию стройного механизма практического

воплощения, а партии, использующие терроризм как тактико-стратегическое средство, находились в постоянном поиске оптимальных форм его организации. Общими тенденциями стали усилия комитетов подчинить боевиков осуществляющих центральный терроризм строгой партийной и организационной дисциплине. Террористические группы уездных и низовых комитетов напротив, имели определенную свободу действий и меньшую зависимость от партийных комитетов. Более того, в 1907 г. в уставных нормах ряда местных террористических групп (крестьянские братства ПСР) терроризм «разлитого», неорганизованного характера прямо провоцировался и поощрялся. Данная позиция партийных комитетов показывает, что партии видели в терроре не только механизм политического давления на власть, но и форму «социального протеста», которую старались поощрять и развивать.

Управленческая структура революционно-террористических организаций XIX в. преимущественно предполагала совмещение исполнительных и руководящих ролей боевиков или невыраженное их разделение. В ходе политической борьбы начала XX в. эта структура совмещала «административную вертикаль» (рядовые боевики – начальник дружины – уполномоченный комитета) и ячеечную схему комплектования («тройки», «пятерки»), при которой имелась определенная автономность и самостоятельность подразделений, а при аресте членов не разрушалась вся сеть организации. Осуществление терактов могло поручаться местным партийным комитетам, делегированной для этого группе боевиков или специально командированному инструктору, наделенному организационными полномочиями. В первом случае организации зачастую не хватало профессиональных навыков, во втором и третьем – времени для подготовки, недостатка информации и ресурсов.

В шестой главе «**Внутренние механизмы террористических организаций**», разделенной на четыре параграфа, последовательно разбираются вопросы, связанные с кадровым обеспечением терроризма (первый параграф), информационно-разведывательной, охранной и конспиративной деятельностью (второй параграф), а также материально-хозяйственным обеспечением (третий параграф) боевой части. В четвертом параграфе главы характеризуются основные формы экстремистских и террористических проявлений второй половины XIX – начала XX вв.

Основными поставщиками деятельной революционной массы станут слои населения, которые в наибольшей мере испытывали социальное напряжение и «кризис ожидания» в условиях общественной аномии. Такими слоями стали большая часть маргиналов от пролетариата и мещанства, слой крестьян-отходников, представители эмансипированных слоев национальных меньшинств. Навязчивое состояние эмоционального и бытового дискомфорта при наличии обиходного критического отношения к власти легко канализировалось в агрессию, в первую очередь, у обучающейся молодежи.

Общее число террористов второй половины XIX в. не стоит ограничивать только исполнителями, которых было не более пяти-шести десятков¹. Террористическая деятельность имеет сложный механизм и организацию. И хотя универсальная

¹ Н.А. Троицкий количество народовольческих террористов определяет в три-четыре десятка (См.: Троицкий Н.А. «Народная воля» и её «красный террор» // Индивидуальный политический террор в России (XIX – начало XX вв.): Мат. конф. М., 1996. С.17).

функциональность народовольцев была очень высокой, общее число боевиков обслуживающих террористическую деятельность было на порядок выше количества исполнителей терактов. В начале XX в. ситуация кардинально изменилась. Наиболее напряженным в террористической активности стал 1907 г. К этому году в революционных организациях уже сложились структурные звенья и имелись тактические планы террористической борьбы. На этот момент нами насчитывается в рядах ПСР около 730 террористов, в максималистских группах – 625, в дружинах РСДРП – около 100, анархистских организациях – 300, внепартийных и «отколовшихся» – около 200. Всё революционное подполье располагало примерно 2 тыс. активных террористов. Число всех участников, включая организационные и разнообразные обслуживающие структуры, второй террористической кампании приблизительно можно оценить в количестве 20 тыс. человек¹.

Высокий уровень разведывательных и оперативных навыков революционных экстремистов дает основание утверждать, что в стране в начале XX в. сложилась мобильная организационная структура террора с высокопрофессиональными кадровыми ресурсами. По нашему мнению, обилие источников получения информации о террористических объектах, может являться не только показателем высоких профессиональных навыков террористов, но и важным доводом кризиса власти и политической элиты.

Анализ революционных терактов, совершенных на физических лиц, позволяет заключить, что наиболее частыми были покушения по месту службы чиновников, во время их передвижения по заранее запланированному маршруту и нападения по месту жительства. На данные три варианта покушений приходится более $\frac{3}{4}$ всех революционных терактов.

Анализируя материально-техническое обеспечение экстремистской деятельности двух террористических кампаний, можно обнаружить их существенные различия. Если народовольческий террор не имел отдельной партийной кассы, а руководящий состав партии в значительной мере ассоциировался с составом самих террористов, то в начале XX в. это наблюдалось только в партии эсеров-максималистов и ряде анархистских групп. Революционно-террористический опыт показал непродуктивность такой системы, так как террор постепенно начинал поглощать весь партийный организм. Партийное руководство эсеров и социал-демократов поняло необходимость отделения террористической деятельности от массовой работы организаций. Наиболее практичным и действенным способом обособления и управления террористической активностью боевиков стало монопольное право комитетов на материальное содержание боевиков и террористической деятельности. Эта финансовая зависимость боевиками воспринималась критически, вплоть до конфликтов и разрывов отношений.

Прилагаемые партиями информационные и пропагандистские усилия в отношении своей террористической деятельности, можно характеризовать как попытки мифологизации событий. Они отвечали наиболее важным ценностным критериям

¹ Применимо к партии эсеров М.И. Леонов указывает, что «всего в эсеровском терроре непосредственно участвовало до 2% членов партии» (Леонов М.И. Террор и смута в Российской империи начала XX в. // Вестник Самарского гос. ун-та. 2007. № 5/3 (55). С.176-186), весь состав ПСР в 1905-1907 гг. он оценивает в количестве 62 600 человек (Леонов М.И. ПСР в 1905-1907 гг. М., 1997. С.45).

мифологического сознания, в числе которых, во-первых, слияние чувственного и рационального, во-вторых, выраженная персонификация явлений, и, в-третьих, упорядоченное коллективистское восприятие мира. Действенность и влияния элементов этого информационно-коммуникативного комплекса во многом определили сочувственный характер общественного восприятия террористических акций начала XX в. Это вело к деформации общественной морали и самих этических ценностей. Агрессия политической борьбы разрушительно влияла на общественные устои, которые и так были поколеблены процессом модернизации. Общество погружалось в состояние перманентного насилия.

В начальный период революционного движения теракты с целью физического уничтожения осуществлялись террористами-одиночками при непосредственном нападении на жертву. Оружие в большинстве случаев было либо огнестрельным (револьверы), либо взрывным, контактного действия. Такими были покушения «южных бунтарей» и народовольцев (56% всех покушений XIX в.), покушения 1901-1904 гг. (64% всех терактов), покушения летучих отрядов эсеров 1905 г. на высших чиновников местной администрации (75% от общего количества терактов за год). Отчаянная смелость боевиков, их целеустремленность и отсутствие многочисленной персональной охраны у чиновников позволяли осуществлять такие нападения и быть уверенными в их положительной результативности. Покушения на частных лиц были представлены, в первую очередь, нападениями на шпионов и провокаторов (32% в XIX в. и соответственно 36% и 21% в 1901-1904 гг. и 1905 г.). Размеры временных и финансовых затрат на подготовку покушений определялись двумя факторами: административным статусом жертвы, и соответственно её доступностью, и статусным подчинением террористического подразделения.

Покушение террористом осуществлялось в одиночку, а для сопротивления возможному преследованию, его могли сопровождать несколько боевиков. Отсутствие и ненадежность взрывных устройств, а также усиление мер охраны и предосторожности повлияли на то, что в мартовском покушении 1881 г. и терактах после 1905 г. стали участвовать группы боевиков по 2-4 человека. Между ними заранее распределялись функции. По наличию функционального распределения ролей и «охране» террористов можно судить об инициативном (личном) покушении или организованном (партийном) характере теракта.

Планомерность, последовательность и неотвратимость реализации террористических угроз стали важнейшими предпосылками для порождения атмосферы общественного страха. Именно они создали впечатление о всеилии террористов, их огромных возможностях и, соответственно, неспособности власти обеспечить безопасность людей и социальный мир. В условиях всеобъемлющей «атмосферы страха» спектр террористических способов борьбы значительно расширился.

Не менее продуктивным террористическим средством воздействия, чем физическое и психологическое давление, являлись экономические формы насилия. Вековое сопротивление крестьянства экономическому засилью демонстрировало широкий спектр возможного традиционного протеста, от индивидуальных форм до групповых и коллективных. Политизировались из них те, которые в силу обстоятельств и условий приобретали массовый характер и особо экстремистские проявления. Революционные партии предпринимали постоянные попытки подчинить своему контролю стихийность

аграрного протеста. Но, по мнению большинства современных исследователей темы (О.Г. Буховец, О.С. Поршнева, В.П. Данилов, В.П. Сапон), эти попытки оказались в целом безуспешными. Ни управления, ни контроля над аграрным движением партийным комитетам добиться в существенной мере не удалось. В целом, оставаясь верноподданными и лояльными правящему режиму, крестьяне отстаивали свои локальные экономические интересы всеми возможными способами. При вероятности высоких карательных мер, использовали оптимальные формы традиционного сопротивления. Преимущественно это были агрессивные, насильственные действия с целью опосредованно, без прямого участия крестьянского общества и силового столкновения решить проблему. При этом в силу обстоятельств, очевидного полицейского возмездия и уголовного наказания, крестьянское общество понимало тщетность и «непродуктивность» массовых действий. Поэтому выполнение чаяний общества брали на себя политические активисты, изгои или маргиналы. Формой борьбы становились наиболее экстремистские индивидуализированные виды протестования: от хулиганских выходов, в виде битья окон, до поджогов и убийств. Вследствие радикализации общественных отношений, число экстремистских эксцессов в сельской местности стремительно росло. Особенно это проявилось в росте числа поджогов.

В целом, спектр физического, экономического и психологического терроризма позволял тактически, вариативно, в зависимости от складывающегося политического процесса использовать те или иные формы терроризма для достижения поставленных политических целей.

В заключение диссертации отмечается, что успешность террористических акций, в совокупности с другими проявлениями государственного кризиса, породила панику и неопределенность в действиях правительства. Конкретные решения власти после отдельных терактов позволяли трактовать их как уступки и смену политического курса, что укрепляло экстремистскую направленность политического процесса и создавало «моду на террор». При этом реальная политика не изменялась, а содержательных реформ не проводилось, чем социально-политическая напряженность еще более возрастала. Восприятие проявлений социального «неорганизованного» насилия как продукта политической пропаганды и агитации, значительно дезориентировало власть, которая склонна была перекладывать вину за рост социальной агрессии исключительно на политических оппонентов. Также дезориентированным оказалось и революционное движение, всё более склоняющееся к исключительно силовому решению вопроса о власти. События 1905-1906 гг., перспектива потери административного контроля, склонили власть к исключительно репрессивному, любыми способами подавлению революционного движения. Одновременно с этим начинают осуществляться некоторые насущные социально-экономические реформы (аграрная, трудового законодательства и пр.). Благодаря неограниченным ресурсам и исключительным мерам репрессий, правительству удалось подавить революционное движение и уничтожить террористические структуры и подразделения. Одержав победу в открытом бою над политическими противниками, царизм не решил других проблем системного кризиса, что и обусловило скорые революционные потрясения 1917 г.

Помимо разрушительных политических последствий, террористическая агрессия породила взаимное ожесточение противников, формировала устойчивое поле

структурного насилия и долговременную конфликтогенную среду, обусловленную деструктивной социализацией подрастающего поколения.

Терроризм, являясь глобальной проблемой современности, имеет глубокие исторические корни. Опыт социально-политического развития многих государств и обществ способен подсказать оптимальные пути развития и способы решения актуальных проблем. Особую значимость приобретает изучение сходных процессов и кризисных периодов. Российское общество второй половины XIX – начала XX вв. оказалось в глубоком системном кризисе, частное проявление которого выразилось в резком росте революционно-террористической активности, а масштабы террористических проявлений стали трагическими не только для самодержавия, но и для российского общества. Проведенный в диссертации анализ, позволил сделать выводы об объективной социально-политической обусловленности этого явления. Это дает основание утверждать, что государственным структурам необходимо не только бороться с террористическими подразделениями и пресекать их деятельность, но и, в первую очередь, минимизировать причины террористического инициирования. Что предполагает выполнение следующих условий: 1) осуществление реальной демократизации политического процесса, создание условий для выражения общественного мнения; 2) склонение политической оппозиции к совместной деятельности с властью и отторжение её от крайних экстремистских взглядов и идей; 3) наличие объективной информации, препятствующей созданию актуальных террористических мифов; 4) мониторинг конфликтогенных зон всевозможной природы и социальных групп риска с целью профилактики и пресечения социального насилия и агрессивного поведения.

**Основное содержание диссертации опубликовано
в следующих работах:**

а) Монографии:

1. Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901-1911 гг.) – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – 224 с.

б) Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК:

2. Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья, 1901-1911 годы // Вопросы истории. – 2005. – № 8. – С. 93-103.

3. Квасов О.Н. Террористический дискурс в начале XX и XXI вв. // Вестник ВГУ. – Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2009. – № 1. – С. 206-209.

4. Квасов О.Н. Структурные субъекты российского революционного терроризма начала XX в. // Вестник ВГУ. – Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2009. – № 2. – С. 214-218.

5. Квасов О.Н. Развитие террористических тенденций в российском революционном движении начала XX в. // Известия высших учебных заведений. – Северо-Кавказский регион. – Общественные науки. – 2010. – № 5. – С. 98-101.

6. Квасов О.Н. Количественные параметры жертв революционного терроризма начала XX в. // Вестник ВГУ. – Серия: История. Политология. Социология. – 2010. – № 2. – Июль-декабрь. – С. 24-32.

7. Квасов О.Н. Террористический компонент социально-политических процессов в Курской губернии начала XX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2011. – №19 (114). – Вып. 20. – С. 165-172.

8. Квасов О.Н. Источники изучения проблемы терроризма в начале XX в. // Вестник архивиста. – 2011. – № 3 (сентябрь). – С. 47-54.

9. Квасов О.Н. Террористическая экспроприация как форма революционной борьбы в Российской империи начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 3 (9). – Ч. 1. – С. 61-65.

10. Квасов О.Н. Мария Федорова – террористка и жертва террора // Новый исторический вестник. – 2011. – № 1 (27). – С. 89-104.

11. Квасов О.Н. «Организация боевых сил вполне самостоятельна ...» // Исторический архив. – 2011. – № 5. – С. 187-191.

12. Квасов О.Н. Националистические аспекты российского терроризма начала XX в. // Проблемы национальной стратегии. – 2012. – № 6 (15). – С. 206-215.

13. Квасов О.Н. Московская охранка в борьбе с революцией // Новый исторический вестник. – 2012. – № 2 (32). – С. 113-121.

14. Квасов О.Н. Губернский аппарат тайного политического сыска Российской империи в новейших отечественных исследованиях // Вестник РГГУ. – 2013. – № 10. – С. 184-197.

15. Квасов О.Н. Социальные аспекты террористической деятельности революционеров в Российской империи в начале XX в. // Проблемы национальной стратегии. – 2014. – № 4 (25). – С. 205-220.

16. Квасов О.Н. Тактико-стратегическое обоснование народовольческого терроризма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 12 (9). – Ч. 2. – С. 91-93.

17. Квасов О.Н. Дефиниционные категории и понятийный аппарат российского революционного терроризма // Диалог со временем. – 2014. – № 49. – С. 338-353.

18. Квасов О.Н. Содержание и формы российского анархо-экстремизма // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. – Выпуск 3 (36) – [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001005-4-1>.

19. Квасов О.Н. Генезис форм террористического насилия // История государства и права. – 2015. – № 18. – С. 32-36.

в) Публикации в других научных изданиях:

20. Квасов О.Н. Революционный синдром ложного бонапартизма // Актуальные проблемы соц.-гум. наук: Межвузов. сб. науч. тр. – Вып. XI. – Воронеж: 1997. – С. 19-21.

21. Квасов О.Н. Обоснование террористической борьбы из анализа российской истории // Российская цивилизация: история и современность. – Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: «Истоки», 1998. – Вып. 1. – С. 143-154.
22. Квасов О.Н. Деятельность Боевого отряда Воронежского комитета ПСР в годы первой российской революции // Лес и молодежь ВГЛТА – 2000 г.: Сб. науч. тр. / Под ред. акад. РАЕН Л.Т. Свиридова. – Воронеж: ВГЛТА, 2000. – Т. 2. – С. 212-216.
23. Квасов О.Н., Разиньков М.Е. Анархисты в Воронежской губернии в начале XX в.: К постановке проблемы // Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный бюллетень. – Вып. 2. – Воронеж: «Истоки», 2004. – С. 77-86.
24. Квасов О.Н. Вырождение революционного террора отступающей революции (1905-1907 гг.) // Общественное движение и культурная жизнь Центральной России XIV-XX веков: Сб. науч. трудов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. – С. 218-227.
25. Квасов О.Н. Переписка воронежского губернатора С.И. Голикова с помещицей М.Г. Раевской. // Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный бюллетень. Вып. 6. – Воронеж: «Истоки», 2008. – С. 240-251.
26. Квасов О.Н. Проблемы международного терроризма и контрразведка в Российской империи начала XX в. // Многополярность современного мира в контексте политических изменений. Сб. ст. – Воронеж: ВГУ, 2009. – С. 133-137.
27. Квасов О.Н. «Истинный сын революции Иван Голощапов» или судьба «анархиста-мстителя» // Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный ежегодник. – Вып. 7. – Воронеж: «Истоки», 2009. – С. 223-232.
28. Квасов О.Н. Террористическое противостояние гражданской войны // Российские университеты в XVIII-XX веках: сб. науч. ст. / Воронежский государственный университет. – Вып. 10. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2009. – С. 174-183.
29. Квасов О.Н. Советский индивидуальный терроризм 20-х гг. // Геополитика в условиях глобализации и мировой финансовый кризис. Сб. ст. – Воронеж: ВГУ, 2009. – С. 62-64.
30. Квасов О.Н. Мария Федорова – террористка и жертва террора (1908 г.) // «Новый исторический вестник» к 80-летию МГИАИ-РГГУ: Избранное, 2005-2010 / Сост. и отв. ред. С.В. Карпенко. – М.: Изд-во Ипполитова, 2011. – С. 195-212.
31. Квасов О.Н. Комплекс информационного сопровождения актов революционного терроризма в годы первой российской революции // Общественные науки. – Всероссийский научный журнал. – М.: Изд-во МИИ Наука, 2011. – № 3. – С. 368-374.
32. Квасов О.Н. Российский терроризм второй половины XIX в.: народнический аспект // Воронеж народниковедческий: Сб. ст. – Воронеж: «Истоки», 2012. – С. 27-46.
33. Квасов О.Н. Факторы развития революционного экстремизма в Российской империи начала XX в. // Панорама. – Научный журнал. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2012. – № 1 (3). – С. 86-89.
34. Квасов О.Н. Террористические тенденции в народническом движении второй половины XIX в. // Народники в истории России: Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 1 / Редколл.: Г.Н. Мокшин (отв. ред.) и др. – Воронеж: «Истоки», 2013. – С. 128-141.
35. Квасов О.Н. Революционное партизанство начала XX в. в Российской империи // Панорама. – Научный журнал. – 2013. – № 1 (5). – С. 111-117.

36. Квасов О.Н. Дискурсивные практики революционного терроризма начала XX в. // Панорама. – Научный журнал. – 2014. – № 1-3 (8-10). – С. 51-58.

з) Материалы научных конференций:

37. Квасов О.Н. Самопожертвование в терроризме // Философия о смерти и бессмертии человека: Матер. межвуз. науч. конф. – Воронеж: ВГЛТА, 2001. – С. 27-31. – [Электронный ресурс]. – URL:<http://socialist.memo.ru/books/reflection/htm>.

38. Квасов О.Н. Международный терроризм в Российской империи начала XX в. // Проблемы политического экстремизма и терроризма: история и современность. Мат. науч. семинара. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 6-10.

39. Квасов О.Н. Националистическое инициирование российского терроризма начала XX в. // Современный мир в условиях глобализации: противостояние кризису и модернизация политических систем. Сб. ст. – Воронеж: ВГУ, 2010. – С. 104-108.

40. Квасов О.Н. Оперативно-разведывательное сопровождение революционного террора в Российской империи начала XX в. // Противоречия глобального развития и модернизация политических систем: материалы международной научной конференции. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2011. – С. 77-82.

41. Квасов О.Н. Источники по изучению деятельности революционеров в Российской империи начала XX в. // История России: Исследования и документы. Материалы Международной научной конференции «Архивные документы в системе объективного научного знания по истории России». 19 ноября 2010 г. / Отв. ред. И.А. Анфертьев; Сост. И.А. Анфертьев, Ю.С. Цурганов. – М.: Изд-во РГГУ, 2011. – С. 169-175.

42. Квасов О.Н. Российские революционеры в борьбе с представителями правящего дома Романовых и информационно-коммуникативные аспекты революционного терроризма начала XX в. // Четыре века Дома Романовых: Материалы международной научной конференции «Четыре века Дома Романовых в мировом социокультурном пространстве: исторический, источниковедческий, биографический дискурсы». Москва, 6 марта 2013 г. / Отв. ред. Е.И. Пивовар; Сост. И.А. Анфертьев. – М.: РГГУ, 2013. – С. 154-168.